
Доклад Вольного исторического общества

КАКОЕ ПРОШЛОЕ НУЖНО БУДУЩЕМУ РОССИИ

подготовлен при поддержке **Комитета Гражданских Инициатив**

2017

Содержание

Раздел I. ЭПИКРИЗ. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ В БЛИЗКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (СССР И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД).	3
КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА	3
ОПЫТ СССР: КУЛЬТУРА ПРОШЛОГО В «ОБЩЕСТВЕ БУДУЩЕГО»	4
РЕАБИЛИТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И НОВЫЙ КУЛЬТ ПРОШЛОГО	5
НОВЕЙШАЯ РЕВИЗИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	6
Раздел II. ДИАГНОЗ. КАКОМУ БУДУЩЕМУ НУЖНО ТАКОЕ ПРОШЛОЕ	8
ЯЗЫК НОВЕЙШЕГО РУССКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА	8
ПРАВДА И МИФ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ	10
ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ: ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И НЕОСТАЛИНИЗМ	15
КУЛЬТ ПОБЕДЫ	17
ИДЕОЛОГЕМА «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ»	19
ТЕНЬ ВИЗАНТИИ. ИСТОРИОСОФИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	21
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА	22
ВИЗАНТИЯ И СУЛТАНАТ	23
ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	23
ИСТОРИЯ БЕЗ БУДУЩЕГО	24
Раздел III. ПРОГНОСТИКА И РЕЦЕПТУРА. КАКОЕ ПРОШЛОЕ НУЖНО БУДУЩЕМУ РОССИИ	26
ИСТОРИЯ КАК НАУКА: ИМПЕРАТИВЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ	26
УРОКИ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	30
ВОЙНЫ ЗА ПРОШЛОЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ	34
ГРУЗ ПРОШЛОГО...	40
...И ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО	44
Заключение: очередные задачи	48

Раздел I. ЭПИКРИЗ. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ В БЛИЗКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (СССР И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД).

Что происходило и происходит с историческим сознанием в России в прошлом и за последнее время

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Россию принято считать страной с особым отношением к истории (иногда эту особенность утрируют вплоть до использования понятия «историософской нации»). Одна из заметных книг в этом интеллектуальном жанре называется символически: «Прошлое толкует нас». В политической актуализации истории эта формула выглядит иначе: «Мы сами толкуем себя через прошлое». В отсутствие собственно политического языка (а именно в условиях его смысловых деформаций и явной ригидности) язык истории часто становится преимущественным, а иногда и единственным языком настоящего.

Историческая компаративистика показывает, что в таком отношении к истории мы не одиноки. Вместе с тем, в отечественной традиции есть и свои особенности:

1) Недоразвитость профессиональной, специализированной философии, социальной теории и политической мысли в России издавна приводила к тому, что история, подобно «великой русской литературе», отчасти возмещала эти провалы. И сейчас исторические повествования и трактовки часто призваны компенсировать недостаточность языка политики – размытость его семантики и синтактики, беспринципность прагматики и «перфорированный» характер лексики, не имеющей адекватных средств выражения для многих существенно важных смыслов. История в этой ситуации становится идеологическим и политическим иносказанием, местом и способом обсуждать совсем другие, в том числе вовсе не исторические проблемы. **Споря о прошлом, люди, в действительности, обсуждают свое настоящее и будущее, не имея для этого иных ресурсов – лексических и концептуальных.** В частности, ползучая реабилитация мрачных страниц и фигур отечественной истории позволяет политической реакции пропагандировать идеи, которые высказывать и продвигать прямо пока не позволяют приличия и остатки лояльности к Конституции. Когда не получается прямо реабилитировать опричнину и ГУЛАГ, возвышают Грозного и Сталина.

2) Россия – страна с подвешенной исторической памятью и множеством крайне болезненных неразрешенных вопросов. В отличие от народов, так или иначе достигших известного консенсуса и стабильности в оценках прошлого, мы постоянно делаем это свое (и не только свое) прошлое резко проблемным и «принципиально непредсказуемым». **Прошлое страны остается полем холодной гражданской войны, и конца этой войне пока не видно.** Уже поэтому собственная история для нас «вечно актуальна»: в проблемных зонах там почти нет решений, одни задачи. Не случайно образовательный стандарт вывел на периферию текста для будущего обсуждения так называемые трудные вопросы – и в этих вопросах, не имеющих понятного консолидированного решения, сосредоточилось едва ли не все принципиально важное.

3) История страны в самых разных контекстах и оценках неизменно трактуется ее культурой и политикой как «великая», а потому в каждой новой сложной, драматичной, кризисной ситуации это «славное прошлое» извлекается на свет и используется как конструкция, скрепляющая и удерживающая нацию, когда других опор и скреп не хватает или вовсе не остается. Там, где сейчас пытаются увидеть моральные прозрения власти в отношении отечественной истории, имеет место откровенная идеологическая манипуляция. Обращаясь перед войной к российской истории, Сталин вовсе не возвращал ей ее собственное значение и достоинство; он всего лишь конъюнктурно, вполне спекулятивно и по большому счету цинично использовал историческую память и мифологию, показав тем самым, что другими в достаточной мере эффективными интегративными и мобилизующими идеологическими ресурсами он и Партия на тот момент не располагали. Но эти спекуляции ложились на готовую почву обыденного сознания. И сейчас это славное прошлое позволяет народу по-прежнему считать себя великим, даже когда он перелистывает далеко не лучшие страницы своей многострадальной биографии.

История в России больше, чем история.

ОПЫТ СССР: КУЛЬТУРА ПРОШЛОГО В «ОБЩЕСТВЕ БУДУЩЕГО»

Исторические нарративы и концепты были важной составляющей советской, коммунистической идеологии при всем ее проектном пафосе и при всей ее устремленности в будущее. При этом ключевые идеологемы Революции и коммунистического строительства накладывали явный отпечаток на интерпретацию исторического процесса, конкретных периодов и эпизодов истории страны и мира:

1) История в целом понималась как большой и закономерный исторический процесс, подчиненный логике неотвратимого исторического прогресса. Страна была вписана в этот глобальный процесс в качестве мирового лидера и главной движущей силы. Граждане СССР ощущали себя народом, находящимся на гребне истории и на пике морально-политической эволюции человечества, что давало основания для весьма распространенных в социуме глубоких переживаний. Помимо «великой истории», украшенной судьбоносными победами и впечатляющими достижениями материальной и духовной культуры, у нас было не менее великое настоящее и будущее. В этом смысле СССР в идеологии, пропаганде и массовых переживаниях был «главной страной мира». Такого рода ощущения сохраняются в исторической памяти и воспроизводятся сейчас как нечто утраченное и едва ли не преданное, что является поводом для мощных фрустраций сознания (в том числе массового) и эффектов ресентимента. Если выход из советского проекта породил тему «Россия, которую мы потеряли», то сейчас эта тема трансформируется со сдвигом во времени и смыслах в новый объект ностальгии: «СССР, который мы потеряли».

2) При всей реакционности политической системы СССР, основанной на идеологическом контроле и превентивных репрессиях, номинально советская идеология была идеологией свободы – ее кумулятивного роста и исторического торжества. Соответственно, вся мировая и отечественная история представляла как великая и глобальная история борьбы прогрессивного человечества за освобождение всех угнетенных против всех поработителей. На этом пафосе был

построен весь пантеон исторических личностей и событий. Помимо извечной классовой борьбы сюда подверстывались вообще все освободительные движения, в том числе так называемые национально-освободительные. Так же номинально в этой идеологии присутствовала трактовка истории как прогрессирующего и почти линейного процесса эмансипации личности и индивидуального раскрепощения. СССР, таким образом, был не просто локомотивом мирового исторического процесса, но и средоточием человеческой свободы и лидером борьбы за нее всего прогрессивного человечества. Показательно, что сейчас эта тема практически выпала из ностальгического комплекса «Страны, которую мы потеряли».

3) При всей закономерности и неотвратимой логике исторического процесса, как он понимался в советской идеологии, огромное значение в этом развитии отводилось активным движущим силам – личностям, политическим классам и их партийным авангардам. При всей «научности» марксистской философии истории, реально исторический процесс описывался в публичном идеологическом пространстве как история великих событий и гениев. Это видение популярной, а во многом и академической истории было основанием разного рода культов, в частности революций, войн и личностей. С этим связана также усиленная милитаризация истории, как она понималась в советской науке и идеологии. И **до сих пор задачи демилитаризации истории и освобождения ее от культов далеки от решения, в том числе в публичной сфере и в массовом сознании.** Поэтому неудивительно, что для многих нет ничего важнее в этой истории, чем Великая Война, и победил в ней Сталин.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И НОВЫЙ КУЛЬТ ПРОШЛОГО

История, ее логика, событийный ряд и пантеоны, всегда были и остаются важнейшей составляющей идеологии, в особенности государственной. В последние годы в России наблюдается двойной процесс: а) реабилитации идеологии в политической культуре и сознании общества и б) мощного усиления позиций истории в общем идеологическом контексте. Удельный вес превознесения и толкования выдающегося прошлого превышает все остальное, включая практически отсутствующие в идеологическом дискурсе образы будущего.

1) После навязчивого, утомительного засилья идеологии в советский период отношение к ней в обществе было резко негативным и оставалась таким до самого последнего времени. Однако с некоторых пор положение заметно изменилось. Во-первых, государство фактически реабилитировало идеологию, особенно в ее латентных и теневых формах. Во-вторых, появилась возможность открыто обсуждать перспективы введения государственной идеологии и отмену соответствующего конституционного запрета. В-третьих, государство вопреки этому запрету начало активно и практически открыто формулировать и продвигать официальные позиции по ряду идеологических вопросов и заниматься регулированием идеологических процессов (что не могло не сказаться на положении истории и состоянии исторической памяти). Откровенно идеологические установки присутствуют в программных документах и выступлениях первых лиц государства, чиновников второго эшелона и многочисленной административной obsługi с интеллектуальными и «духовными» претензиями. Также присутствуют эти установки в текстах

управляемых государством СМИ, в учебных и методических материалах, в разного рода общегосударственных и отраслевых «стратегиях». Вспоминается формула Жданова, в вольном переложении звучащая так: «Дайте мне задачник по арифметике, и я впишу в него всю идеологию».

2) Наряду с ускоренной идеологизацией сознания, политики и общественной жизни в России в период от 2011 года происходит резкая «историзация» новейшей российской идеологии: разворот от образов будущего к культу прошлого – его идеологических конструкторов и мифологических интерпретаций. **Образ и идея страны строятся не на адекватных оценках настоящего и не на концепции развития, а на усиленной эксплуатации прошлого.** Нынешний сдвиг идеологии в сторону истории напоминает реанимацию исторической тематики в советской идеологии в 1930-х годах, перед Великой Отечественной войной. Здесь срабатывают те же факторы актуализации темы прошлого, что и в прошлом веке. Во-первых, это ограниченные возможности идеологии, в наше время обернувшиеся концептуальной беспомощностью и идеологическим вакуумом. Во-вторых, потребность власти в нагнетании консолидации и мобилизации. Тогда это было перед войной, сейчас – в предчувствии возможности новых потрясений.

НОВЕЙШАЯ РЕВИЗИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1) По этим же причинам из подобию официального исторического канона и всей системы публичной утилизации истории изымаются ключевые линии и эпизоды «борьбы за свободу», бывшие центральными в официальной и популярной историософии даже в советский период. Герои восстаний становятся разбойниками и бандитами либо заблудшими либералами, не способными ни на что, кроме деконструктивного, чисто символического протеста. В советское время вопреки идеологии и практике тоталитаризма был создан портрет «народа-бунтаря» с неискоренимой тягой к воле и чувством собственного достоинства. Теперь, в свободной России, этот миф пытаются переписать в духе конформизма и холопской преданности, благодарной за «скрепы» крепостного права.

2) Из биографий столпов великой русской литературы изымаются их конфликты с властями, с государственной идеологией и моралью, с официальной церковью и т.п. В конъюнктурный, сервильный пиар власти втягиваются потомки великих отступников – Толстого, Достоевского, Лермонтова. Из наследия русской философии извлекаются большей частью консерваторы и этатисты. Раздерганный на цитаты Ильин этой идеологии ближе, чем даже аристократический либерал Чичерин – классик русской философии права, занимавший должность московского «головы». Из склонного к анархизму Бердяева делают унылого государственника. Микшируется неконформизм в литературе и искусстве советского периода. Видно отчетливое желание переписать историю свободы и культуры личной независимости в духе благонамеренности и чинопочитания. Поэтому и из новейшей политической биографии страны также практически изымается история диссидентства и протеста.

3) На этом фоне **история российской власти подается во всем блеске ее непогрешимости и благолепия, деяний и свершений, подвигов руководства и окормления народа.** Провалы и преступления даже самых одиозных правлений

отодвигаются на задний план. В этой логике получается, что бунты и революции готовят исключительно злоумышленники и революционеры, но ни в коей мере не власти, своей ущербной политикой не раз доводившие страну до революционных ситуаций. Государство подается в ореоле святости, и эта его сакральность распространяется не только на историю, но и на власть как таковую, включая нынешнюю и, видимо, будущую.

4) Одновременно в истории страны уходит на задний план, а то и вовсе изымается все, что связано с социально-экономической и общественно-политической модернизацией. Ключевые эпизоды, которые нельзя игнорировать, начинают трактоваться преимущественно критически. Среди выдающихся деятелей героями этой истории все чаще становятся не реформаторы, а консерваторы и реакционеры. Иначе – с креном в охранительный, если не реакционный консерватизм – начинают трактоваться неоднозначные фигуры. Создается впечатление, что Столыпин, убитый на чествованиях великого, исторического акта отмены крепостного права, ничего в своей жизни не сделал и ничем не прославился, кроме сентенции о «великих потрясениях». С этой консервативно-реакционной версией истории остается непонятным, каким образом Россия, при всех острейших проблемах ее развития, все же стала такой сравнительно модернизированной страной, какой она пока все еще является. **Даже в истории СССР едва ли не весь позитив все чаще сводится к военной мобилизации и сплоченности, тогда как научно-техническая модернизация стыдливо обходится новым поколением эффективного менеджмента,** растратившего этот потенциал и сдавшего едва ли не все позиции. В активном идеологическом обиходе медленно, но последовательно и методично приглушается все, чем еще вчера гордились, но за потерю чего сегодня стыдно. Купируется величественная и достаточно бурная, хотя и очень неровная история российских модернизаций, на фоне которой нынешние поколения и власть выглядят весьма неприглядно.

5) По сути, переписывается история взаимоотношений России с внешним миром. Европейский вектор, мучительная, но продуктивная вестернизация, мощные культурные, интеллектуальные, творческие контакты и устойчивые связи, философское, научное, художественное, духовное и религиозное преемство, даже бывшие достаточно системными матримониальные отношения династии – все это стыдливо прячется ради декларативной, но практически не раскрываемой по смыслу самобытности. Действительную неоднозначность европейской, западной ориентации России теперь пытаются подменить однозначным, плоским, примитивным антизападничеством. Абсурдный и неграмотный тезис «Россия не Европа», который пытались заложить в основу государственной культурной политики, – яркий образец такого ложного патриотизма, торопливо следующего за колебаниями политической конъюнктуры. Нет сомнений в том, что если бы эта попытка удалась, мы бы стали свидетелями основательного переписывания официозом всей истории внешнеполитических, культурных и экономических связей России с миром, вплоть до конкретных биографий. В свою очередь, такая ревизия потребовала бы пересмотра и более объемлющих представлений, вплоть до доморощенной версии всеобщей истории.

Все вышесказанное пока существует в виде тенденций, не окончательно возобладавших, но уже отчетливых. Буквально **за считанные годы произошел резкий разворот от модернизации к традиции, от модернизма к**

традиционализму, от прогрессизма к консерватизму с охранительным и даже реакционным уклоном.

Раздел II. ДИАГНОЗ. КАКОМУ БУДУЩЕМУ НУЖНО ТАКОЕ ПРОШЛОЕ

ЯЗЫК НОВЕЙШЕГО РУССКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Российский исторический официоз говорит на специальном языке, социальном диалекте. Он неизменно несколько пафосен, возвышен, ориентирован на разоблачение «фальсификаторов», потому что его функция – описывать величие прошлого и тем самым легитимировать настоящее, то есть власть. К формулированию «патриотической истории» подключаются кино, литература, искусство, научпоп, спорт. В этом языке появились знаковые понятия, например, «духовные скрепы», и даже знаковая, возведенная в священный ранг, историческая топонимика, например, «древний Херсонес, где принял крещение князь Владимир».

1. Патриотическая анимация

История становится частью идеологически-пропагандистской оснастки власти, поднимаясь до формата «волшебной сказки» и «священной памяти», и в результате низводится до области манипулирования сознанием, а потому ищет новый язык или даже языки. И проникает даже – как крайний пример – в современную российскую мультипликацию. Типичный кейс, хорошо иллюстрирующий состояние исторической политики: мультфильм студии «Мельница» под характерным названием «Крепость» о «героической обороне Смоленска в 17 веке». Здесь есть все основные историко-патриотические мифологемы и «традиционные ценности», изложенные языком анимации: подвиг предков – мотив наследования славной истории; мотив обороны от врага – осажденная крепость; враг – поляки, представители и сегодняшней «оси зла»; на помощь призываются высшие волшебные силы, благоволящие России; мотив поиска предателя.

2. «Закодирование» истории

Словосочетание «культурные коды» заимствуется из либерального публичного дискурса и ставится на службу идее российской уникальности. Особая духовность как часть русского Sonderweg'a десятилетиями мифологизирует воображаемые неповторимые свойства россиян и служит способом противопоставления России бездуховному Западу; к этому процессу активно подключается РПЦ со своей борьбой с «ересь человекопоклонничества» и аморальными и антигосударственными (что одно и то же в этом контексте) правами человека.

«Культурные коды» фактически оправдывают оказывающуюся исторически безысходной отсталость России, которая одновременно представляется как недостижимая для Запада духовная высота: «тысячелетняя история» становится

более важной, чем просто экономические успехи страны, нормальная жизнь без войн и благосостояние россиян.

3. Коллекция мифологем

«Основы государственной культурной политики» и сопутствующие этому тексту разъяснительные бумаги, подготовленные Минкультуры и НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, -- образцы ключевых идеологических документов, в которых сделана попытка собрать под одной крышей историко-культурные мифологемы – от «маркеров духовных скреп» (на поиски которых был выдан государственный грант) и «исторической идентичности» до «тысячелетней истории», «культурного суверенитета» и «цивилизационной самобытности».

Тем же документом вводятся термины «политика сдерживания России», которая ведет свою родословную, в понимании идеологов, почему-то с XVIII века, «девальвация общепризнанных (кем?) ценностей», «деформация исторической памяти». Последнее понятие, пожалуй, одно из ключевых, потому что оно призвано защитить общественное сознание от таких явлений, как «негативная оценка значительных периодов отечественной истории» (явно речь идет о сталинской эре) и «распространение ложного представления об исторической отсталости России» (не уточняется кем, когда, как, в чем?).

«Духовные скрепы», так толком и не названные поименно, вообще стали притчей во языцех и предметом многочисленных шуток, хотя тем, кто проходит, например, по сравнительно новой статье Уголовного кодекса «Оскорбление чувств верующих» не до юмора: они сталкиваются с серьезными проблемами в результате расширительного толкования судами идеологических понятий.

Язык идеологии проникает в язык права и становится «материальной силой».

4. Судьба идеологем

Идеологический диалект подражателен. Характерны недавние попытки ввести в пропагандистский оборот понятие «российский народ» в подражание советской идеологеме «новая историческая общность – советский народ». Как правило, такие способы эксплуатации прошлого работают плохо, потому что не понятны массовому потребителю. Так, например, оказалась мертворожденной еще одна исторически обусловленная идеологема, которую пытались приспособить к конкретным политическим целям, к исторической легитимации «народных республик» Донбасса и Луганска – «Новороссия». Впрочем, те же самые «скрепы» нельзя назвать понятием, по-настоящему широко распространенным и пошедшим в народ.

У идеологии сегодняшнего дня нет своего языка, она пользуется языком прошлого или канцеляритом с элементами стилистики телевизионной пропаганды. Это язык, на котором государство в жанре монолога разговаривает с нацией.

ПРАВДА И МИФ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Борьба с «распространением ложных представлений» -- одна из ключевых тем в современном российском политическом дискурсе. История трактуется «от противного»: нас «фальсифицируют» -- и это часть гибридной войны, а мы (государство) предъявляем в ответ самую правильную трактовку истории. **Идут два параллельных процесса – санация мировой и отечественной истории с целью единственно верной ее интерпретации и одновременно мифологизация результатов этой санации**, вырывание из контекста отдельных событий и превращение их в официально назначенные памятники (в широком смысле слова), которым следует поклоняться. История становится пространством открытий и «закрываний». Надо признать, что это не уникальная российская технология – любые информационные войны (один из последних примеров - споры вокруг исторических событий между Украиной и Польшей). Но в России она эксплуатируется не от случая к случаю, а на постоянной основе.

1. Возвращение к советской модели

И тот, и другой процесс словно бы переживаются заново. Например, как и начиная со второй половины 1960-х, почти табуируются разговоры об ошибках Сталина и трагических поражения первых месяцев Великой Отечественной войны. А, к примеру, советское вторжение в Прагу в 1968-м оправдывается специальным документальным кино по государственному каналу – заново открывается историческая правота советского руководства. И так последовательно по всем ключевым вехам истории, включая пакт Молотова-Риббентропа, советско-финскую войну 1939-40 гг., вторжение в Венгрию в 1956 году и т.д.

2. Анатомия регероизации

В результате происходит своего рода регероизация того, что уже было дегероизировано. Вот характерный кейс.

На стене дома на старом Арбате в Москве нарисован гигантский парадный портрет регероизированного маршала Георгия Жукова. Его персональная история стала официальной благодаря цензурированной версии мемуаров, увидевших свет в советское время. Затем произошла дегероизация – не в том смысле, что заслуги маршала отрицались, а в том, что была написана адекватная история войны, где он был одним из живых персонажей. Сейчас снова происходит превращение его в мифологического героя на службе управленческих задач политического режима. Притом, что интересующийся читатель может найти любые факты о Жукове. А совсем равнодушный, например, имеет возможность прочитать материалы к биографии Жукова, подготовленные Константином Симоновым в сборнике «Симонов и война». Но – тиражом 2000 экземпляров (Симонов К.М. Симонов и война. Сост. и подготовка к публикации А.К. Симонова. М., 2016). На выходе массовое сознание вполне удовлетворяется ходульным образом одномерного человека-символа. И готово

акцептировать все, что предлагается официальной исторической пропагандой, прежде всего, с помощью телевидения.

3. Из жизни идеологом

Как и в случае с внедрением в публичный словарь не слишком понятных массам слов вроде «Новороссии» и «скреп», неудачной оказалась и попытка институционализации борьбы с неофициальными представлениями о российской истории. В 2009 году указом президента Дмитрия Медведева была создана Комиссия при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В 2012 году она прекратила свое существование в силу отсутствия серьезной повестки, да и само «противодействие» скорее пристало силовым органам, чем гражданским.

Еще одна составляющая процесса «фальсификации фальсификаций» -- это выстраивание системы защиты исторической мифологизации, превращение ее самой в миф с высокой степенью государственного одобрения.

Критерием здесь назначается абстрактный национальный интерес. Вот симптоматичный фрагмент из диссертации министра культуры РФ Владимира Мединского: «Взвешивание на весах национальных интересов России создает абсолютный стандарт истинности и достоверности исторического труда».

4. Мифы как политика

Из такого «абсолютного стандарта» вырастает технология оправдания мифологизации. Вот цитата из статьи того же Мединского в «Российской газете» о 28 панфиловцах: *«Что же до сегодняшних ниспровергателей... Не будем наивными, за ними стоит тонкий расчет: доказав несостоятельность истории 28-ми, равно как и подвига Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло, возможно поставить под сомнение не только нашу пропаганду в годы Великой Отечественной, но и весь смысл жертвенной борьбы советского народа за свою Родину».*

Изучение истории и происхождения мифов, приверженность исторической правде приравниваются тем самым к чуть ли не предательству Родины.

Собственно, в этой логике министр культуры вынудил уйти со своего поста главу ГАРФ, одного из самых авторитетных российских историков Сергея Мироненко, поставившего под сомнение миф, -- опубликовавшего на сайте Госархива справку-доклад главного военного прокурора СССР Николая Афанасьева, в которой содержались доказательства того, что подвиг бойцов из дивизии Панфилова — вымысел журналистов.

5. Противоречие между двумя историями

Неоднозначность событий и противоречивость исторических фигур осложняют работу даже официальных властей.

Характерной ошибкой стало установление мемориальной таблички маршалу Маннергейму в Санкт-Петербурге, причем под высоким покровительством главы администрации президента и министра культуры. «Наш» человек времен Первой мировой превратился в прямого врага в годы Второй мировой. Разумеется, Великая Отечественная не столь дистанцирована во времени, как Первая мировая, и значение этих двух войн для массового сознания несравнимо. Противоречивость исторической политики проявилась в том, что та же самая власть, которая эксплуатирует Великую Отечественную как социальный «клей» нации, не подумала об иерархии российской «народной» истории. А в ней маршал занимает место среди отрицательных героев. После того, как мемориальная доска была подвергнута нескольким осквернениям, ее отправили в музей Первой мировой войны в Царское село.

Мифологизация Первой мировой вошла в противоречие с исторической интерпретацией Великой Отечественной.

6. Первое лицо и история

Вопрос об интерпретации истории не стоит, когда первое лицо высказывает свое личное отношение к той или иной неоднозначной фигуре. Персональные пристрастия формируют пантеон героев прошлого России – историческая фигура избавляется от своей неоднозначности. Личное одобрение президентом деятельности Ивана Ильина и Петра Столыпина стало поводом для перезахоронения в 2005 году останков философа в России (одновременно были перезахоронены останки генерала Антона Деникина) и установки памятника премьер-министру Российской империи прямо перед Домом правительства в Москве. Симптоматично, что процедура захоронения Ильина и Деникина была названа «символом возрождения духовного единства народа», а церемонию почтили своим присутствием многие ключевые государственные деятели и патриарх.

7. Как нам подморозить Россию

Происходит переоценка «историко-культурных» ценностей и одновременно мифологизация переоцененного. **Все, что исторически было на стороне государства, освящалось религиозной санкцией, способствовало «подмораживанию» России, получает статус морально-одобряемого, нормообразующего исторического события.** В этой логике крепостничество и самодержавие превращаются в исторические «духовные скрепы».

Реабилитация любой русской власти – жестокой и несправедливой – происходит ровно в силу необходимости легитимизировать сегодняшний политический режим.

Симптоматичен многое объясняющий казус с попыткой разместить к 150-летию отмены рабства в России в 2011 году, 19 февраля, билборды и перетяжки с цитатой из Александра II: «Крепостное право надо отменить сверху, пока оно само не отменилось снизу». Ни одно из рекламных агентств не

согласилось размещать эту цитату, расшифровав ее как неправильную трактовку истории и фронду, пусть и с помощью государя императора.

Не менее симптоматичны истории с установкой памятников Ивану Грозному и князю Владимиру, которые маркируют важные, с точки зрения сегодняшней пропаганды, исторические точки и архетипы. Иван Грозный – царь жестокий, этакий прототип Сталина, опричнина тоже оставляет шлейф внятных исторических аллюзий. Но именно «наведение-порядка-твердой-рукой» востребовано сегодняшней властью и массовым сознанием. Эта мифологема закрепляется мемориальной политикой – установкой памятника. Соответственно, князь Владимир обратил Русь в правильную веру, которая лежит в семантической основе сегодняшних «духовных скреп». И потому появление памятника князю в трехстах метрах от Кремля абсолютно логично.

Установка этих памятников – дополнительная легитимация политического режима «твердой руки» методами монументальной пропаганды.

8. Иерархия лидеров

В этом контексте все «революционно-освободительное» может рассматриваться в негативном контексте как прообраз «оранжевой революции». И в этой логике 1917 год оценивается в отрицательных тонах, а Ленин превращается в отрицательного исторического персонажа, разваливавшего страну и «раскачавшего лодку».

Симптоматично высказывание президента, во многом, как мы отметили, определяющего векторы и контуры исторической политики, о Ленине: «Управлять течением мысли это правильно, нужно только чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом» (<http://www.interfax.ru/russia/490856>). Сталин же превращается в персонажа положительного – вынужденно жесткий лидер, восстановивший, в отличие от Ленина, единство страны. Находятся оправдания, причем на самом высоком политическом уровне, и пакту Молотова-Риббентропа, и финской войне – в логике «обеспечения безопасности» (<http://www.interfax.ru/russia/440996>; <https://ria.ru/society/20130314/927341148.html>).

9. Пробелы в истории

«Другая» история, «другие» герои, диссиденты и инакомыслящие, исключены из официального дискурса и из официального процесса передачи памяти. Например, множество людей не имеют своего мнения по поводу того, как относиться к путчу ГКЧП, а официальной четко выраженной позиции по этому поводу нет. Поэтому люди склонны оценивать это событие уклончиво – как «эпизод борьбы разных группировок за власть». В результате государствообразующее событие в нашей истории – противостояние путчистам

-- носит почти видимый невооруженным глазом оттенок «оранжевой революции».

Или выход на Красную площадь «семерых смелых» в августе 1968 года. Этого события как бы не существует в официальной истории, а те, кто протестовал ценой своей свободы против советского вторжения в Чехословакию, героями страны не считаются. Официальная пропаганда уже косвенно (методом изготовления «документального» кино по федеральному каналу) оправдала вторжение. И снова – в контексте нашего времени – те, кто протестовал, оказываются предтечами не новой России, а «оранжевых революций». Новым поколениям протестующих предстояло сталкиваться с той же аргументацией органов, что и полвека назад – вспомним, например, формулу «мешать движению общественного транспорта».

Характерно, что, например, будапештское восстание 1956 года официальной пропагандой было названо «первой оранжевой революцией». И серьезные пропагандистские силы были брошены на то, чтобы опорочить и исказить мотивы восставших.

В рамках символической политики понятно, что речь идет не столько о тех, кто погибал на улицах Будапешта 60 лет назад, сколько о тех, кто выступает против режима здесь и сейчас, в сегодняшней России.

10. Уголовно наказуемый репост

В мае 2014 года, вскоре после присоединения Россией Крыма, в УК РФ была введена статья 354.1, карающая за отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом. Как однажды заметил один историк, за отрицание такого рода фактов надо не сажать, а госпитализировать. Но в диспозиции этой статьи есть определение, которое действительно способно превратить научную или публицистическую дискуссию в уголовно наказуемое деяние: «...распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны, соединенных с обвинением в совершении преступлений, установленных указанным приговором (Нюрнбергского трибунала. – Авт.), совершенные публично». Теоретически «под статьей» могут оказаться те, кто считает, что Катынское преступление совершили НКВДэшники.

Юридическая неряшливость и идеологическая предвзятость формулировки уже однажды привела к обвинительному приговору по этой статье в отношении Владимира Лузгина, который разместил в соцсети материал о сотрудничестве руководства СССР и Третьего Рейха в нападении на Польшу в 1939 году. Разумеется, судьи разных инстанций, типичные носители типичного массового сознания, сформированного исторической политикой власти, оскорбились за Советский Союз. Обоснованность приговора мотивировалась его соответствием Нюрнбергу, как если бы в истории не было Пакта Молотова-Риббентропа и движения Сталина на Запад – «перехвата» у Гитлера балтийских стран и востока Польши и «зимней войны» с Финляндией.

Де факто тем самым состоялась реабилитация сталинизма и Сталина, пакта Молотова-Риббентропа, оккупации Польши.

Регероизация дегероизированного, рефальсификация дефальсифицированного – таково ключевое свойство современной государственной исторической политики. **Политический режим и архаично-авторитарные технологии управления страной легитимируются прошлым** – благодаря монополии на механизмы передачи коллективной памяти, а сами элиты и пропутинское большинство самоидентифицируются с помощью прошлого. Отсюда **новый социальный контракт – вы нам, власти, лояльность, мы вам, гражданам, гордость за «тысячелетнюю историю».**

ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ: ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И НЕОСТАЛИНИЗМ

Поиски легитимации, идентичности и величия в прошлом естественным образом сплетаются в смысловой клубок родственных тем «Сталин», «репрессии», «война», «Победа», «порядок», «величие страны». Можно, разумеется, отдельно говорить о репрессиях, к тому же память о них в современной России вынужденным образом становится частью едва ли не оппозиционного мировоззрения и контрпамяти, вступающей в противоречие с коллективной исторической идентичностью, навязываемой государством. Однако официозная память и контрпамять сталкиваются в смысловом пространстве, где одновременно присутствуют и сопрягаются сразу несколько исторических тематических блоков. **«Официализация» Великой Победы в мифологическом дискурсе предполагает умаление значения репрессий для истории страны.**

1. Память и контрпамять

В результате **главный водораздел в исторической памяти проходит в интерпретации истории репрессий**, притом, что формально они осуждаются властью, правда, с гигантским люфтом для публичных «дискуссий».

Противостояние идеологического официоза и гражданского общества превращается в войну официальной памяти с контрпамятью. Война памяти идет, разумеется, не только на внешнем фронте – с версиями истории стран-конкурентов, но и с внутренней исторической «пятой колонной». Для этой войны как будто и времени не существует, потому что нынешняя оппозиция как бы становится наследницей по прямой и диссидентского движения, и вообще любого советского инакомыслия. Диссидентское движение и инакомыслие советского времени в такой логике приравняются к условной «Болотной площади».

2. На топливе войны

Таким образом, получается, что даже сам по себе акцент на изучении репрессий становится «очернением» истории страны, полной побед, достижений и восстановленных мифов, требующих закрепления с помощью праздничных ритуалов.

Даже когда история сталинского периода в ее официозном изводе подается «через людей» – это все равно военачальники и «выдающиеся государственные деятели», набор мемориальных табличек со стен сталинских высоток. И такая история работает на топливе войны и во имя жестокой, но

«эффективной» бюрократии. **Такая система музеефицирует охранника, а не заключенного.**

3. «Арктиканаша»

Пример историко-идеологической конструкции, заглушавшей репрессии и пронесшей эту функцию через десятилетия -- арктический миф. На истории покорения Арктики было воспитано несколько поколений – это были примеры человеческого мужества и успеха, романтика открытий. И это была живая плоть истории – совпадение во времени арктической героики и трагедии репрессий. Арктический миф был нужен Сталину – именно потому, что в этом случае можно было говорить об истории успеха, загораживавшей собой репрессии. Модель мифа воспроизводится и сейчас, но только от всех человеческих историй и романтики остались исключительно демонстрация силы арктических войск, появление арктического ФСБ, территориальные претензии в стиле «Северный-полюс-наш». Поскольку в сегодняшней Арктике много проблем, в том числе экологических, построить полноценный мобилизационный миф невозможно, но это еще один пример того, как история ставится на службу сегодняшней пропаганде.

3. Наследники по прямой

Фигура Сталина, точнее, историко-мифологический бренд «Сталин» становится одним из «ключей» к современной доминирующей идеологии. Наиболее значимые практические шаги власти – например, присоединение Крыма, наследование по прямой от «славного» прошлого, дешифруются массовым сознанием безукоризненно точно. Согласно данным «Левада-центра», именно к марту 2014 года, времени присоединения Крыма, в два раза увеличился разрыв между положительными и отрицательными оценками Сталина – 40% против 19%, и этот тренд естественным образом закрепился. В марте 2016 года, по данным «Левада-центра», 85% респондентов оценивали роль Сталина в жизни страны как положительную и лишь 8% как отрицательную.

При этом жить при Сталине хотели бы немногие (23% против 60% в марте 2016-го), из чего следует вывод, что бренд «Сталин» -- это преимущественно средство коллективной идентификации со «славным» прошлым, имеющим символическое значение.

Закрепление такой исторической картинки вкупе с массовым незнанием собственной истории, особенно в молодежных возрастных группах, радикально меняет отношение значительной части россиян к репрессиям. Если в 2007 году 72% респондентов «Левада-центра» считали, что репрессиям нельзя найти оправданий, то в 2016-м этой точки зрения придерживаются 45% опрошенных: падение на 27 п.п. – очень серьезный показатель. 26% в 2016-м против 9% в 2007-м готовы оправдывать репрессии политической необходимостью. В 2016 году в молодежной группе практически каждый второй респондент (45%) либо ничего не знал о репрессиях (19%), либо затруднялся давать им какую-либо оценку (26%).

4. Монументальная гонка

Официальной сталинизации, во всяком случае, пока, не происходит. Зато происходит своего рода «гонка памятников» -- где-то удается

«увековечить память» Сталина (изба-музей И.В. Сталина в Тверской области), где-то эти попытки проваливаются (демонтаж памятника генералиссимусу, установленного в Сургуте). Последовательное уничтожение, в том числе с использованием закона об иностранных агентах и с шельмованием при участии коммунистов и «кургиняновцев» музея «Пермь-36» -- модельная история. В том смысле, что память о репрессиях уничтожается при поощрении властей, а ее сохранение приравнивается едва ли не к антигосударственной деятельности. Логическим продолжением этих процессов стало объявление международного «Мемориала» иностранным агентом.

В стране за последнее десятилетие был сломан хотя бы условно существовавший со времен горбачевской перестройки общественный консенсус по поводу репрессий, а размывание этого консенсуса и реализация государственной политики и неписаной идеологии, фактически оправдывающих или замалчивающих репрессии, привели к неопределенному отношению к ним молодого поколения. По сути, мы имеем дело с ментальной катастрофой – результатом мифологизации сознания и почти официально насаждаемого невежества.

За два с половиной года после присоединения Крыма разрушена иммунная система большинства нации. Утрачен рецепт антидота, который может быть употреблен в случае отравления трупным ядом сталинизма.

КУЛЬТ ПОБЕДЫ

В пропагандистском фундаменте политического режима два события – Великая Отечественная (война) и Великая Геополитическая (катастрофа). Оба события в государственной идеологии обретают трагико-величественную тональность, но одно становится основанием для легитимизации любых действий режима, второе же оказывается той бедой, преодоление последствий которой составляет едва ли не основу политики нынешней власти. Притом, что результатом именно второго события стало образование суверенной Российской Федерации.

Режим ищет и находит легитимность в прошлом. Главное событие прошлого, имеющее священный статус (и реальный, и мифологизированный пропагандой) – это Великая Отечественная война.

1. Сталин, Победа, Крым

Идеология низводит Победу до опознавательного знака в системе «свой-чужой», до символа, упрощает и профанирует ее, ставит запреты на сложные вопросы, а ответы блокирует в том числе средствами уголовной репрессии.

Победа в идеологическом пантеоне и языке символов в последние годы стоит рядом с брендом «Сталин», популярность которого резко возросла, как мы уже отмечали, после присоединения Крыма и начала абсолютного доминирования авторитарной исторической мифологии. 71% респондентов («Левада-центр», март 2016) полагает, что «какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное – что под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне» (не согласен с этой точкой зрения лишь 21% опрошенных).

Это еще один способ легитимизации сегодняшнего авторитарного режима, превращения его в наследника Победы по прямой, а значит, тем самым, как бы в нечто неприкосновенное и едва ли не столь же «священное». Такой же была технология выживания (легитимации и защиты от критиков) и советского режима в последние 25 лет его существования: быть недовольными властью – значит, подвергать под сомнение нашу Победу. **В современных условиях миф войны становится «оберегом» от оппозиции и «пятой колонны», от «фашистов» и «бандеровцев», внешних врагов и недоброжелателей.**

Война из драмы превращается таким образом в бесконечный праздник, смысл затуманивается ритуалами, парадами и салютами. Получается триумф без скорби. Эмоции без мысли. Подвиг без трагедии.

2. По советским лекалам

По сути дела, мифологизированная версия Победы в постсоветский период становится почти калькой с мифологизации войны в советский период. Советский режим держался еще и на мифе романтизированной революции. Не столько романтизированная, сколько эпическая мифология «правильной» войны семантически сегодня заменяет и миф революции. (В сегодняшнем политическом дискурсе само слово «революция» имеет исключительно отрицательный смысл.)

Историческое предложение формирует и историко-мифологизированный спрос. Исторический официоз, как и официальная идеология, поддерживаются «живым творчеством масс».

Модельным в этом смысле вышел спор весной 2013 года о заградотрядах. Когда Леонид Гозман сравнил СМЕРШ с войсками СС, журналист «Комсомольской правды» Ульяна Скобейда предложила отправить либералов «на абазуры». Спор оказался типовым в том смысле, что любая попытка осмыслить детали наталкивается на аргумент высокой степени обобщения: мы победили, а все остальное – это опорочивание победителей.

3. Растворение индивида

Конструируя исторический канон, прежде всего, военный, власть берет в союзники и индивидуальные истории, подгоняя их под свой шаблон и под общую «рубрику». Такими «рубриками» могут быть акции «Георгиевская ленточка» или «Бессмертный полк», где индивидуальная драма растворяется в официально-плакатном представлении о подвиге. Сами акции начинались как глубоко индивидуализированные, построенные на началах не официозной, а обычной человеческой памяти. Но по мере их тиражирования стала происходить национализация драматических и эмоционально окрашенных частных семейных историй и встраивание их в пропагандистский мейнстрим. В толпе героями становятся все, а те, кто шагают не в ногу и отдельно – идут против святого. Статус святости обретает это абсолютное единство власти и индивидуальной памяти, которую не разглядеть в гигантском массиве памяти коллективной. **Получается, что герои – это строительный материал, человеческое мясо для государственных ритуалов, нечто, чему можно отдать условный «пионерский салют».**

4. Война спешит все

Война как таковая становится средством консолидации граждан вокруг лидера (то, что называется в западном дискурсе rallyroundtheflag). Пропагандистская конструкция монтируется таким образом, что любые сегодняшние конфликты (необязательно военные) с другими странами и международными структурами воспринимаются массовым сознанием как наследники войн советского времени, и в том числе Великой Отечественной. Для тогдашней советской власти и власти нынешней никаких «незнаменитых» (Александр Твардовский о финской кампании) войн в советской и российской истории нет и быть не может. Войны – справедливые, триумфальные, оборонительные -- легитимируют режимы и консолидируют массы вокруг «командира осажденной крепости». По сравнению с Великой Отечественной это карикатурные войны. Но ритуалы легитимации власти, каковыми становятся отмечания очередных годовщин Победы (в их дворцово-официальном изводе), создают требуемое впечатление: нынешние военные операции наследуют по прямой Великой Отечественной.

Идеология, на которую наклеивают стикер-оберег «Великая Отечественная» поддерживает негативную солидарность, питает и воспитывает оборонное сознание. На нас нападают. Мы защищаемся. У нас что-то отнимают. А мы возвращаем и восстанавливаем отнятое (например, Крым). Чем примитивнее историческая идеологема, тем она эффективнее.

ИДЕОЛОГЕМА «ЛИХИХ ДЕВЯНОСТЫХ»

История в ее официозном идеологическом изводе нелинейна. В том смысле, что одним периодам придается особое значение, другие словно бы и не очень заметны. 1990-е играют особую роль. Им придается не исторический, а – снова – мифологический смысл, где невероятно усиливаются децибелы истерики в исторической политике. В официозном представлении, акцептируемом большинством россиян, это и годы развала великой империи, и эпоха криминала, и время безоглядного безжалостного реформаторства, «шоковой терапии».

1990-е тоже легитимируют новую эпоху, начавшуюся в 2000-м году – в логике «от противного». Было плохо – стало хорошо, был хаос – наступил порядок, был безответственный лидер – появился ответственный.

1. Неопределяемая «лихость»

Технология строительства истории «от противного» проста: никто и нигде четко не артикулировал, в чем именно состояла «лихость» 1990-х. Впрочем, судя по всему, есть интуитивное понимание того, что синонимом «лихости» является слово «свобода», имеющее отрицательный знак в сегодняшней пропаганде.

Хаос и трудности периода транзита, где сошлось одновременно множество тяжелейших процессов – от развала СССР до болезненных реформ, от исчезновения привычного способа существования до возникновения возможности выбора (продуктов, политиков, образа жизни) -- абсолютизируются

и становятся своего рода вывеской над целой эпохой, сложной и объективно противоречивой. **1990-е превращаются в эпоху разделенной истории. Разделенной между сторонниками демократического и авторитарного развития России.**

2. Не помнящие родства

Мейнстримовский государственный дискурс не то что не помнит собственной истории, он ее самоотрицает: сопротивление путчу августа 1991 года, рождение собственно Российской Федерации, либеральные экономические реформы – все это события из области или негативных происшествий, почти «оранжевых революций» или нечто дистанцированное, в чем массовое сознание само себе запрещает разбираться, о чем оно не хочет или боится думать.

Фактически **получается, что государство стыдится своих «родителей» -- демократических лидеров и реформаторов, и обстоятельств своего рождения – либеральных реформ.**

Отрицание 1990-х является одновременно и отрицанием демократической и либеральной традиции, подготовившей эпоху реформ – опыта шестидесятничества, серьезных интеллектуальных – литературных, журналистских, философских, социологических, экономических – школ. Ничего этого вообще нет в той истории, которая составляет основы легитимации нынешнего политического режима.

3. «Пораженья от победы...»

Отношение к 1990-м – род исторического забвения и технология отказа от рефлексии и способности нации задавать самой себе вопросы. Это приводит к тому, что в собственной истории значительная часть людей не способна, в терминах Бориса Пастернака, отличить «пораженья от победы». Один из самых часто встречающихся ответов социологам – «затрудняюсь с ответом». Например, летом 2016 года 48% респондентов «Левада-центра» не помнили или не знали, что происходило в дни августовского путча 1991 года. Большинство же из тех, кто помнили и знали, предпочитали говорить, что в то время «не успели разобраться в ситуации» или «были слишком малы, чтобы понять, что происходит». И, тем не менее, представлений о тех событиях хватает, чтобы 30% респондентов оценивали август 1991-го как «трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа». Это отношение не к путчу, а к его подавлению как к «оранжевой революции».

4. Самозапрет на рефлексию

Представление о периоде истории после рубежа 1999—2000 годов как об эпохе наведения порядка и стабилизации, разумеется, не было бы возможным без противопоставления этого этапа российской истории 1990-м годам.

Но из этого следует принципиальный отказ понимать свою историю, причины трудностей и успехов, почти сознательное блокирование рефлексии. Согласно опросу 2016 года («Левада-центр») положительно к реформам Егора Гайдара относятся 3% респондентов. Это результат забвения обстоятельств, при которых реформы проводились (развал хозяйственной системы, крушение СССР

и переход к принципиально новым экономическим, социальным, политическим укладам). Это и непонимание того, как работает экономика, и поиск виновных в объективных и субъективных экономических, социальных, политических, психологических, бытовых проблемах.

ТЕНЬ ВИЗАНТИИ. ИСТОРИОСОФИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Представления современного российского государства о собственном прошлом невозможно описать как некую новую концепцию, принципиально отличающуюся от предшествующих периодов и поколений. Напротив, речь скорее о жесткой преемственности, где различия в деталях не мешают доминированию общего, базового и центрального нарратива.

Политические режимы в России внешне могли кардинально изменяться в течение последних 100 лет, но рамка, однажды заданная имперской историографией позапрошлого столетия, рано или поздно воспроизводилась вновь и вновь, модернизируясь на уровне в лучшем случае отдельных терминов и формулировок, но по сути своей остававшаяся неизменной.

Государственная история

Классическая историографическая рамка сложилась в Российской империи не раньше и не позже, чем в других крупных странах Европы, т.е. не позднее середины XIX века. С одной лишь разницей: это была историография монархии «старого порядка», сумевшей почти полностью избежать политической модернизации, вызванной великими европейскими революциями, в том числе процессов, связанных с формированием гражданской нации, практически одновременно происходивших в большинстве других европейских стран.

Государство заказывало историю, задавало оптику наблюдения, влияя на выбор наиболее подходящих героев и сюжетов, их трактовку. Все это прочно, практически навечно включалось в школьные учебники, университетские лекции и конструируемые рамки памяти, единые для всех сословий и чинов империи.

Национальная история изначально понималась исключительно как история государства российского – феодальной, сословной, абсолютистской Российской империи. Однако парадоксальным образом эта **государственная история оказалась едва ли не единственной состоявшейся формой, конструирующей национальную идентичность русского человека.** Историографическая рамка, выработанная по заказу монархического режима, смогла практически целиком подчинить себе общество, его настроения и аттитюды, надолго пережив политический режим, собственно, и заказавший подобную историографию.

Попытки создать альтернативную историю, выстраиваемую «снизу», из перспективы общества, заканчивались провалом. По всей видимости, в силу того, что ни общества в современном смысле слова, ни его отдельной от государства истории в феодально-сословной России не существовало, **единственной рамкой, в которой российское общество могло само себя представить и описать, стала история, рассказанная ему собственным государством.**

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ НОРМА

Вне зависимости от степени либеральности взглядов, российские историки обычно сходятся на нескольких пунктах в отношении трактовки ключевых событий национальной истории:

- Можно спорить о значении призвания Рюрика и этническом происхождении варягов, как это делали норманисты и антинорманисты, но нельзя отрицать, что Киевская Русь была колыбелью российской государственности.
- Православие – основа русской культуры и духовности, тот стержень, вокруг которого развивались древнерусская литература и искусство. Несмотря на периодические противоречия, церковь в целом оставалась верным союзником государства, мобилизующим население на сопротивление внешнему врагу. Российское государство, сохраняя верность православной традиции, выступает продолжателем и носителем наследия Византийской империи.
- Княжеские междоусобицы и монгольское нашествие разрушили естественный ход истории государства, раскололи и лишили независимости русские земли. Только новое единое государство смогло обеспечить суверенитет и возрождение единой России.
- Объединение земель Северо-Восточной Руси вокруг Москвы при всех известных жесткостях было полезным и прогрессивным явлением, восстанавливающим преемственность по отношению к утраченному древнерусскому государству и создающим предпосылки для будущего имперского величия страны.
- Территориальный рост страны – исключительно позитивный процесс, происходивший преимущественно мирным путем или в результате справедливых оборонительных войн с добровольным включением окраинных народов в состав единой державы.
- Централизация управления, развитие военного дела и построение боеспособной армии, создание и расширение бюрократического аппарата могут быть описаны только как сугубо прогрессивные меры, укрепляющие государство и страну, наряду с развитием заимствованных европейских наук и искусств.
- Любые попытки противостоять неограниченному самодержавию, будь то сопротивление вольного Новгорода в XV веке, попытки введения выборной монархии и местного самоуправления в XVI-XVII веках, городские народные восстания и крестьянские войны, как правило, означали ослабление государства, вели к наступлению «смутного времени», «бунташного века», что в условиях постоянной внешней угрозы ставило под вопрос существование Российского государства и требовало «восстановления централизации».
- Создание российской империи стало закономерным и необходимым этапом в развитии государства, высшей точкой его истории. При этом европеизация России неотделима от приобретения ею статуса империи при Петре Великом и территориальных приобретений в Прибалтике и Восточной Европе.

В деталях могли быть споры, как, например, о том, был ли Иван Грозный кровавым тираном и преступником, как считали либералы, или все же при всех своих недостатках способствовал централизации русских земель и тем самым внес свой позитивный вклад, как оппонировали либералам более

консервативные монархисты. Славянофилы могли критиковать Петра I за искусственное насаждение европейских порядков, но при этом всячески приукрашивали историю Московского царства, восхваляя его «византийскую симфонию» как единственно возможную гармоничную матрицу для России. Наконец, «норманнский вопрос» отошел на второй план на фоне общего признания: призвание Рюрика – лишь один из эпизодов в длительной эволюции российской государственности. Корни этой государственности восходили не к варягам, но к мифологизированной Византии.

ВИЗАНТИЯ И СУЛТАНАТ

Византийство как особая отличительная черта России было инсталлировано в описанной историографической рамке по умолчанию, начиная с возникшей еще при Иване III концепции «Москва – третий Рим», которую историки и литераторы XIX века воспринимали как данность, обусловленную православными корнями и естественной преемственностью. Именно на основе этой византийской традиции Российская империя рассматривалась в качестве собирательницы всех бывших земель Киевской Руси и покровительницы православных народов – в Закавказье и на Балканах. Отсюда представления об особых связях России и Сербии, России и Болгарии, претензии на Грузию и весь Кавказ.

При этом византийскость присутствует в описании собственно русской истории на уровне метафорического образа и символики. Двуглавый орел, золотые купола, самодержавие с пышным придворным стилем – это и есть «русское византийство». Каково его соответствие оригиналу, никогда никого не волновало.

Византийство – лишь самая удачная из метафор, объяснявших исключительность российского государства и его истории. Изысканно преобразующая обычные для любого абсолютистского режима деспотизм правителя, придворные интриги, презрение к письменному закону и мздоимство вельмож, бесправие основной массы населения, подчиненного особому служилому сословию. Все это «византийство» не в меньшей степени было присуще султанату Османской Порты, благо, что и размещалась она в Константинополе, в то время как просветители XVIII века не видели большой разницы между двумя абсолютистскими империями у своих границ – Турции и России.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Монархия Романовых рухнула в начале XX века, но империя возродилась в новой советской оболочке. После относительно недолгого отрицания старого исторического нарратива, новые власти вернули сконструированную в дореволюционный период содержательную рамку, дополнив для вида идеологическими вставками про классовую борьбу, революционное движение и историю коммунистической партии. В основе своей, однако, это была все та же подновленная монархическая историография, вплоть до того, что в числе отцов-классиков сталинской исторической науки оказались монархисты Борис Греков

и Роберт Виппер. Главный монархист дореволюционной историографии, академик Сергей Платонов не дожидаясь лишь года до реабилитации Сталиным «буржуазных историков» в 1934 году, но оставался в немалом почете среди тех, кто воссоздавал старую-новую концепцию истории государства российского, объявленной теперь «историей СССР с древнейших времен».

Эта историографическая традиция жива и в наши дни, в отсутствие каких-либо значимых альтернатив она оказывает решающее влияние на то, как современные россияне объясняют себе свое прошлое, как элиты смотрят на исторический путь и миссию своей страны. Вне всякого сомнения, **эта имперская по своей сути рамка определяет идентичность россиян, как столетие назад, так и в наши дни.**

Российская история, написанная российским государством для самого себя, как нельзя лучше объясняет русскому человеку, кто он такой есть и зачем существует. Если коротко, в одном предложении суммировать русскую идентичность, формируемую государственной историографией, это могло бы выглядеть примерно следующим образом: русские – это потомки восточных славян, призвавшие варягов в качестве правителей, принявшие православие из Византии, победившие хазар, создавшие Киевскую Русь, разрушенную княжескими междоусобицами и монголо-татарами, победившие католических псов-рыцарей и хана Мамаю, воссоздавшие православное царство вокруг Москвы – Третий Рим, воссоединившийся с Украиной, победивший всех соседей и захватчиков, утвердившийся на Балтийском и Черном морях, ставший великой империей, занимающей одну шестую часть суши в Европе и Азии.

Подобный взгляд на себя самих как нельзя лучше подходит для воспроизводства небезызвестной «исторической колеи», где Россия раз за разом возвращается к прежней матрице, связанной с гиперцентрализацией, монархическим характером верховной власти, бесправием широких народных масс, компенсированным растущими имперскими амбициями.

ИСТОРИЯ БЕЗ БУДУЩЕГО

При всей прочности и даже нерушимости описанной историографической традиции она обладает целым рядом ограничений, не позволяющих решать задачи современного государства. Имперско-монархический миф был вполне органичен для Романовых в XIX веке, он позволял обеспечивать военную мобилизацию в сталинские годы, особенно во время Второй мировой войны. Возможно, он позволяет удерживать статус-кво в отношениях власти и общества даже сегодня. Но его лимиты все более очевидны в той реальности, где приходится действовать людям со столь архаичной коллективной памятью и идентичностью.

Во-первых, старая, постоянно воспроизводимая имперская историография неспособна, да и не должна объяснять тот очевидный факт, что Российской империи больше не существует, и вряд ли она когда-нибудь будет существовать. Отсутствие империи в настоящем традиционной историографией может объясняться лишь одним образом – как историческая случайность, временное явление, результат очередной «смуты», что обязательно должно быть исправлено в будущем, а лучше уже в настоящем. Возможность существования российского государства вне имперской матрицы исключается. Хотя

совершенно очевидно, что **время империй прошло, скорее всего, безвозвратно, и русским необходимы идентичность и политическая структура, позволяющие успешно и счастливо существовать после империи, без империи**, с идентичностью и образом будущего, где империи нет места.

Во-вторых, старая имперская историография не допускала возможности и, следовательно, не могла объяснить существование на пространстве бывшей Российской империи других независимых государств, чьи рамки коллективной памяти и национальная идентичность не просто отличаются, но диаметрально противоположны официальной версии российской истории. Наиболее болезненно эта проблема проявилась в текущих российско-украинских отношениях, когда неготовность и неспособность признать факт существования соседнего суверенного государства оказалась сопряжена с практически неизбежным отрицанием собственных исторических корней и самих оснований государственности.

В-третьих, имперская историография всегда центрична столицам. Создаваемый ею исторический нарратив не описывает не только общества, автономного от государства и власти, но и не учитывает всего существующего регионального, этнического, религиозного и культурного разнообразия такой огромной страны, какой остается Россия. Имперская рамка здесь не только не помогает, но и сильно мешает. Официальная историография, как вынуждены признавать даже консерваторы среди современных историков, сводится по сути к истории Центрального и Северо-Западного федеральных округов. История не только национальных республик, но и русских регионов за пределами административных и культурных ареалов Москвы и Санкт-Петербурга практически никак не отражена в общей рамке национальной памяти, где про тот или иной регион известна в лучшем случае дата его включения в империю. Очевидно, **если современная Россия намерена строить себя как федеративное государство, региональный аспект национальной истории должен превалировать над старым имперским подходом, где история страны, по сути, есть история ее столицы**.

В-четвертых, имперская история – это история войны, которую практически непрерывно ведет любая империя с окружающим миром. Официальная историография, разумеется, описывает все эти войны как оборонительные, т.е. «справедливые», констатируя главное: «Русские всегда всех били и будут бить!». Такая **историческая мифология хорошо готовит к войне (что вполне устраивало Сталина, готовившего СССР воевать со всем миром), но плохо объясняет, как жить и строить партнерские отношения в мире, где войны, хотя и происходят, считаются чем-то экстраординарным и нежелательным**. Имперская идентичность мыслит себя в кольце врагов в то время как современный мир требует скорее навыков торговой кооперации, умения договариваться с другими, действуя на равных. Просто «победить и присоединить» уже невозможно, а как действовать иначе, объяснения опять же нет.

Проблема усугубляется тем, что современная историческая наука, там, где она довольно фрагментарно представлена в России сегодня, давно ушла от написания единых концепций национальной истории. Ориентируясь на лучшие образцы зарубежной и отечественной науки, академические историки занимаются исследованием узких сюжетов, диктуемых сугубо профессиональной проблематикой, зачастую далекой от политический конъюнктуры. Это вполне оправданный способ убежать от суровой

действительности, скрывшись в башне из слоновой кости. Однако **общество в целом платит за это тем, что существующий вакуум нового исторического нарратива в очередной раз заполняется старыми мифами**, исполненными к тому же в весьма низком качестве. Не имея возможности по-новому разобраться с прошлым, найдя ответы на вопросы, которые актуальны из перспективы настоящего, а не из реалий XIX века, не выстроив современную идентичность, российское государство и общество ходят по заколдованному кругу собственной истории, оказавшись заложниками прошлого в настоящем, без особых шансов на прорыв в успешное будущее.

Раздел III. ПРОГНОСТИКА И РЕЦЕПТУРА. КАКОЕ ПРОШЛОЕ НУЖНО БУДУЩЕМУ РОССИИ

Название этого раздела, как и всего доклада, содержит элемент провокативности. Из всего предыдущего изложения явственно следует, что речь ни в коей мере не идет о претензиях на написание единственно правильной версии отечественной и мировой истории, к тому же адаптированной к интересам конкретного политического клана или проекта. Такое приспособление неприемлемо, каким бы тот или иной проект ни мыслился: либеральным или государственным, прогрессистским или консервативным, европоцентристским или евразийским, антизападничеством. Тем более речь не может идти об обслуживании историей (памятью и знанием) революционаристского экстремизма или крайней реакции.

Речь идет о куда более серьезных материях: о статусе и задачах исторической науки как таковой и в отношении ее публичных функций, об основополагающих интеллектуальных, моральных и политических принципах «обращения с историей» со стороны общества и государства, о культуре исторической памяти, об основных постулатах этики отношения к историческому наследию. **Честное, свободное и ответственное отношение к прошлому – залог того, что и будущее страны может быть выбрано свободно**, а не по указке сверху, велением очередной группировки неопровержимо и окончательно знающих, «как надо».

ИСТОРИЯ КАК НАУКА: ИМПЕРАТИВЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

Принципиальный разговор о «желаемом прошлом» в любом формате должен начинаться с норм производства и функционирования профессионального исторического знания. Это не прихоть Вольного исторического общества, объединяющего в основном историков-ученых, представителей академической науки. Это такое же естественное движение, как начать разговор о физической реальности с обсуждения статуса и норм физики как отрасли научного познания и знания.

С этой точки зрения все прикладные проблемы вторичны и зависимы. Все достоверное, что мы (как общество) знаем о прошлом, мы знаем из исторической науки или из легитимированных ею же источников (то есть из нее же). Все, что мы знаем не из науки, достоверно знаем не столько о прошлом, сколько о том, кто нам об этом прошлом рассказывает. Даже личная переписка, приватные

дневники и повествования устной истории должны иметь ту или иную, более или менее сложную, но именно научную апробацию. И даже в случае прямой трансляции знания о прошлом в повседневности («от лица к лицу», от человека к человеку), такие сведения становятся для нас именно «знанием» в собственном и строгом смысле этого слова, только после того, проходят соответствующую «апробацию» на бытовом уровне.

1. Академическая свобода

Краеугольным камнем исторической науки, как и всякой другой, является принцип академической свободы. **Никакие внешние, привходящие моменты, какими бы благими намерениями они ни мотивировались, не должны влиять на независимость научного исторического исследования и вывода.** Для истории как науки данный принцип имеет особое значение, поскольку эта отрасль знания часто испытывает беспрецедентное давление со стороны идеологии и политики. Это относится не только к прикладным историческим исследованиям, но и к академической среде, нередко испытывающей помимо прямого, еще и косвенное, скрытое давление, вплоть до подспудно формирующейся и срабатывающей самоцензуры.

2. Критерии научности и защита профессии

Для выполнения этой миссии сама историческая наука должна неукоснительно следовать критериям и принципам строгой научности, начиная с соблюдения норм внутренней и внешней критики источников и заканчивая процедурами научной инициации и признания. Снижая эти критерии, историческая наука (как и всякая другая) сама впускает в себя вирус лже-науки, открывая возможность для конъюнктурных манипуляций. Сейчас одна из важнейших задач научной среды – в полной мере восстановить действие такого рода критериев и процедур. Для этого **необходимо неукоснительно и необратимо очищаться от всего привнесенного за последние годы, если не десятилетия – от инфильтрации в науку всякого рода номенклатуры, от незаслуженных степеней и званий, от признания научными работ, не имеющих к науке отношения.** Движение «Диссернет» в этом плане является хорошим примером, однако в не меньшей мере необходимо и встречное движение – изнутри самого научного, академического сообщества. На выявленные факты проявления научной недобросовестности – плагиата, фальсификации и фабрикация – сообщество ученых, в том числе ученых-историков, должно реагировать быстро и бескомпромиссно.

Поскольку есть юридические проблемы с судебной перспективой отмены незаслуженно присвоенных степеней и званий, выдвинута идея создания неформального корпоративного института, который потребовал бы (в том числе задним числом) от всех соискателей научных статусов публичного, в том числе документарно оформленного признания системы действующих в науке корпоративных норм с добровольным превентивным согласием на утрату статусов в случае удостоверенного выявления нарушения этих норм.

3. Наука и миф

Необходимо жестко и последовательно развести историю (собственно историческое знание), с одной стороны, и мифологию (в любых ее проявлениях) – с другой. Исторический миф может присутствовать в исторической науке, но исключительно как предмет – как конкретный факт истории либо как особое историческое явление, требующее исследования и понимания в целом.

Мифологию историческая наука может изучать, но не имеет права вступать с ней во взаимоотношения «заимотоотношения».

Одна из основных функций науки – демифологизация знания и сознания. С точки зрения науки, любой миф – не что иное, как бессознательное заблуждение или сознательный обман. Утверждать, что история немыслима без мифологии можно только в качестве ретроспективной констатации, да и то неправомерно генерализирующей отдельные проявления. Утверждать подобное в отношении современного исторического знания – все равно что пропагандировать допустимость и даже полезность в современном естествознании представлений об «антиподах», плоской Земле и китах на черепахе.

4. Проблема источниковедческой базы: доступ к архивам

Развитие исторической науки немыслимо без свободного доступа к источникам.

5. Демилитаризация

Общественная миссия в современном обществе требует от науки демилитаризации истории, оформления ее как гражданской отрасли знания. Эпитет «гражданской» в данном случае сохраняет оба смысла: как не военной и как гражданской. **История походов, войн, вторжений, завоеваний и присоединений не должна исчерпывать памяти о прошлом. В наше время сомнительной выглядит идеология «оборонительной экспансии»** (как сказано в одном из правоверных учебников истории, Россия триста лет вела оборонительные войны и в результате расширила свои границы от Калининграда до Курил).

Это необходимо не только для нормальной балансировки собственно научных исследований, по содержанию и методологии, но и для корректировки нынешних расхожих представлений о настоящем и будущем. Военизированная история отвечает духу милитаризации сознания. Провалы в модернизации, в экономике, науке и технологиях, потерю мирной репутации на международной арене сейчас пытаются компенсировать исключительно в военной сфере. Такое впечатление, что государство не только навязывает обывателю, но и само исповедует принцип «уважают только силу». С такими представлениями о репутации и ценностях, о славе и достоинстве, наконец, о самой мощи современной державы Россия лишается будущего. В современном обществе милитаризованная экономика в итоге утрачивает возможность воспроизводить и поддерживать уже и сам военный потенциал. В целом же величие страны в современном, а тем более постсовременном мире измеряется в первую очередь экономикой, условиями производства и деловой активности, знанием и технологиями, богатством и свободой культуры, моральным климатом в социальной сфере, во внешней и внутренней политике. Такие представления о

желаемом будущем предполагают и соответствующее содержательное наполнение истории как в исследованиях, так и в ее присутствии в публичной сфере, в том числе в СМИ и школе. **Мирное будущее для страны немыслимо без мирного прочтения ее развития в прошлом.** Если же освоение отечественной и мировой истории начинает уподобляться Суворовскому училищу, это резко повышает риски участия в конфликтах и снижает шансы успешного развития на всех мирных поприщах.

6. Деперсонификация

Существенной тенденцией современного научного знания является деперсонификация истории, освобождение ее от избыточного внимания к роли правителей и полководцев, государственных деятелей и прочих героических личностей. Культ личности в идеологии, политике и собственно историческом знании – вещи непосредственно взаимосвязанные. Иначе это проявляется как задача деполитизации истории – не в смысле ее политической департизации и политической неангажированности, а в плане преодоления трактовки истории как истории прежде всего политической, связанной с перипетиями власти.

7. Глубинная деполитизация: от событийной истории к структурам повседневности. Слои времени в теории исторического процесса и в реальной жизни общества

В более общем виде речь идет о несводимости истории к событийной канве и поверхностным нарративам, к тому, что Фернан Бродель назвал «пылью истории». Под событийными хрониками обнаруживаются медленные ритмы и длинные волны изменения обыденных практик и структур повседневности, и эта историческая реальность дает существенно иную концепцию и картину процесса, чем история событий, к тому же резко политизированная, сосредоточенная на биографии власти.

Такой подход имеет прямое отношение к пониманию российской истории. В частности, в этой логике иначе прочитывается история «застоя»: пока на поверхности большой политики практически ничего не изменялось, в глубине истории повседневности медленно, но верно оттаивало то, что не успело оттаять в хрущевскую оттепель, вследствие чего страна вышла из «застоя» совершенно другой и во многом готовой к будущим изменениям.

С этой точки зрения, важное значение приобретают процессы изменения практик повседневности, а с ними и глубинной массовой психологии, происходившие в России последние четверть века. Инерционность массового сознания и его склонность к рецидивам, многие глубинные изменения являются здесь в значительной мере необратимыми, что является известной гарантией невозможности срыва в полноценный тоталитаризм.

История таких эволюций могла бы дать необходимый «разгон» для изменения сознания российского общества в направлении неавторитарных моделей, а значит, и для обеспечения России достойного будущего. Здесь, как ни странно, методология и парадигмальные представления самым непосредственным образом соединяются с задачами общественно-политической и социально-экономической эволюции страны.

8. Коррекция проблемного поля: деформации прошлого и вызовы будущего

Требование непредвзятой объективности исторического анализа не отменяет необходимости реагировать на прошлые деформации в исследовании, а также на то, что называется «историческими задачами» или «вызовами времени». Смены галсов в политике и идеологии не могут не сказываться (прямо или подспудно) и на исследованиях, начиная с выбора предметных приоритетов и заканчивая невольной, бессознательной, не всегда рефлекслируемой самоцензурой. Чтобы исключить и нивелировать это влияние, историческая наука должна обладать значительной упругостью и уметь компенсировать такого рода воздействия. В связи с этим **актуальное проблемное и предметное поле исследований должно быть акцентировано с учетом деформаций прошлого и вызовов будущего. Среди основных претендентов на первенство в этой работе является спор о пресловутой «исторической колее»:** анализ развилок и тупиков российской истории призван показать, с одной стороны, как в традиционном историческом каноне веками воспроизводится одновременно и схема, и идеология такой «колеи», а с другой – как из нее страна пыталась вырваться и как даже в этой колее могла набирать относительную кумулятивность и необратимость модернизации.

УРОКИ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Существует расхожее мнение, что «история ничему не учит». Обычно эту мысль излагают в самой простой и категоричной форме – как ее выразил Олдос Хаксли. Но еще Василий Ключевский в этом старом афоризме подчеркивал именно значение «школы»: «История – не учительница, а назидательница, наставница жизни; она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Еще ранее Гегель объяснял этот эффект особенностями каждой эпохи: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния».

И, тем не менее, **у истории как науки есть особая «педагогическая» миссия: учить общество в целом и каждого гражданина в отдельности здоровому, взрослому отношению к идеям и информации – критике и рефлексии.** Человек, обученный правильному обращению с информацией о прошлом, обретает способность так же правильно обращаться с любой информацией и с любыми толкованиями, будь то в политике или в жизни.

1. Популярная логика, методология и этика науки: школа рациональности и ответственности

Активно присутствуя в публичном пространстве, историческая наука имеет возможность не только «рассказывать о прошлом», но и задавать образцы обращения с массивами данных, которые обрушиваются на современного

человека средствами массовой информации, в том числе идеологически и политически ангажированными. Если будущее страны в современном мире зависит в первую очередь от качества человеческого капитала, то само это качество человека во многом определяется уровнем рациональности и рефлексии, глубиной понимания, методиками и этикой отношения к факту и его интерпретациям. Поэтому **история как наука обязана не просто транслировать исторические нарративы («как все было на самом деле»), но и обучать принципам и процедурам формирования достоверного знания.** В самом общем виде эти принципы и процедуры едины как в строгой, профессиональной науке, так и в сколько-нибудь продвинутом, развитом, неинфантильном гражданском сознании. В условиях изощренной, массивированной пропаганды, с одной стороны, и нарастания расслабленной всеядности обыденного сознания, с другой стороны, эту миссию исторической науки, обращающейся в публичном пространстве, трудно переоценить.

2. Псевдоисторическое чтение: проблема загрязнения интеллектуальной и нравственной среды

В этой связи **среди общественных, гражданских задач исторической науки сейчас особенно выделяется необходимость противостоять потоку искаженной информации о прошлом и произвольных его толкований, изливавшемуся по каналам электронных СМИ и низкопробной печатной продукции – якобы исторической макулатуры, начиная с бульварной периодики и заканчивая имитирующими научность трактатами.** Такое противостояние необходимо не только для формирования адекватного образа отечественной и мировой истории, но и для повышения уровня общей требовательности сознания общества. Популярная квази-, псевдо- и пара-наука раскачивает и обезоруживает сознание готовностью некритически поглощать какие угодно фейки и концептуальные измышления, установки и идеологемы. Это делает сознание общества и граждан (точнее обывателей) практически незащищенным от идеологизированной мифологии и политической пропаганды. Сознание, в котором разрушены представления о достоверности и девальвированы ценности строгого знания, становится падким на любые сенсации и уже в силу этого оказывается легкой добычей манипуляторов.

3. Профессиональная экспертиза и критика публичной истории

В свете этих задач на первый план выступают публичные функции исторической науки и сообщества, связанные с:

- профессиональной экспертизой общего корпуса текстов «популярной истории»;
- критически заостренной оценкой, по крайней мере, наиболее одиозных и массово распространяемых образцов такого рода продукции, прежде всего на телевидении;
- разработки альтернативного, согласованного с наукой контента, который можно было бы предложить СМИ в приемлемых форматах;
- продвижения в СМИ идей и форматов, способных решать вышеуказанные задачи.

В качестве достаточно удачных примеров такой активности можно рассматривать программы Вольного исторического общества, реализуемые при

поддержке Комитета гражданских инициатив и Фонда Кудрина, а также в сотрудничестве с такими общественными организациями, как «Мемориал» («Историк за верстаком»), Сахаровский центр, Музей истории ГУЛАГа, Президентский центр Ельцина, фонд Егора Гайдара и др., во взаимодействии с информационными ресурсами Полит.Ру, РБК, собственные сайты ВИО и КГИ.

4. Воспитание чувств: историк как образец корректного отношения к прошлому. Между «очернительством» и «лакировкой»

Если и далее исходить из презумпции формирования зрелого, самостоятельного и активного гражданина, общий исторический контент, транслируемый в публичном пространстве, должен воспроизводить принципы самой науки: непредвзятости, полноты, всесторонности рассмотрения. С этой точки зрения не должно быть никаких предзаданных установок относительно проблем, связанных с идеализацией отечественной истории или, наоборот, с ее «очернительством». Таких предустановок не должно быть ни в «количественном» отношении (в плане акцента на светлых или, наоборот, мрачных страницах истории), ни в «качественном» (в плане избыточно оптимистических или пессимистических оценок персонажей, событий и процессов).

5. Наука в прямом эфире: историк выходит «из-за верстака»

Позиция историка в этом плане внутренне противоречива. Ученые-историки должны заниматься в первую очередь наукой. Вместе с тем, никто кроме них не в состоянии ставить заслон лженауке и разного рода мистификациям. На Первой конференции Вольного исторического общества прозвучали мудрые слова о том, что было бы неверно рассматривать «борьбу с фальсификациями» как главную миссию ВИО: в этом случае обществу пришлось бы заниматься только этим. Но **критика лженауки, политических и идеологических спекуляций, а тем более донесение до общества адекватных, научно апробированных версий прошлого – все это не может осуществляться в публичном пространстве без полномасштабного участия профессиональных историков.**

6. Печатная продукция: корпус текстов или несортированная свалка?

На первый взгляд, противостоять засилью псевдоисторической макулатуры на полках книжных магазинов можно только выпуском соразмерного количества литературы качественной: все остальное упрется либо в цензуру, либо в безнадежную борьбу со «свободным рынком». Однако трудно себе представить, что профессиональное сообщество ученых-историков в состоянии сколько-нибудь полно решить эту проблему – даже в кооперации с отрядом способных и ответственных популяризаторов. Вместе с тем сам этот массовый запрос на макулатуру вряд ли можно считать совершенно стихийным. Популярность мифологии, конспирологии, оккультизма, скандальных хроник и просто безответственного сочинительства подогревается общим контекстом государственной и окологосударственной информационной и культурной политики, идеологии и пропаганды. Этот рынок регулируется, и регулируется он

так, что предложение и спрос все чаще встречаются на поле наиболее низкопробной продукции.

В этой связи представляется необходимой разработка основ независимой, параллельной информационной и культурной политики, которая была бы направлена на поддержание в обществе хотя бы минимально необходимого уровня понимания и требовательности, вкуса и отторжения явной халтуры. На этом более высоком уровне профессиональное сообщество историков и авторов, работающих с исторической тематикой, может и обязано выступать с четкой и развернутой позицией – даже безотносительно к тому, каковы шансы на успех. То, что это шансы не нулевые, показывает опыт целого ряда выступлений профессиональной общественности (в том числе ВИО), многое, если не главное сделавших для того, чтобы остановить наиболее одиозные идеологические и программные разработки отдельных органов власти.

И все же главное направление – коллективная и насколько это возможно массированная пропаганда качественной исторической литературы, научной и популярной, формирование адекватных представлений о ценностях и престиже. **Если страна читает что попало, то ее характеристика как самой читающей приобретает сомнительный смысл** (хороший аппетит не признак здоровья, если есть отраву).

7. Журнальная и газетная пресса: все дозволено

В не меньшей степени все вышесказанное относится и к массовой прессе, только с пониманием еще более пагубных последствий вследствие многотиражности. Информационная политика такого рода изданий во многом формирует ту интеллектуальную и нравственную атмосферу, в которой ценности достоверного знания почти полностью девальвируются, а откровенный вымысел, фейки и утки, в том числе исторические, начинают пользоваться повышенным спросом.

В этой связи структуры гражданского общества, в том числе сообщества профессиональных историков, ученых, литераторов и журналистов, могут сформировать общую позицию, направленную на то, чтобы элементарные приличия соблюдались хотя бы в центральных массовых изданиях, воспринимаемых населением как государственные.

Это одновременно проблема и государственной политики, и журналистской этики. **Когда «Российская газета» – самый официальный из печатных органов – публикует интервью с профессором, заявляющим, что он «перемахнул и неолит, и мезолит и показал существование письменности в самом палеолите», обнаружив при этом, что «все надписи были написаны на русском языке», такие публикации, с одной стороны, отражают понимание автором и редакцией сути «госзаказа», а с другой стороны, реализуют крайне опасный формат: сарказм интервьюера, якобы снимающий с него ответственность за материал, большинством не прочитывается, и «русские» для многих и в самом деле становятся прародителями динозавров. Тем более что герой публикации «Профессор Валерий Чудинов убежден: Вначале было слово. Русское слово» является председателем комиссии по истории культуры Древней Руси Совета по истории культуры при президиуме РАН.**

8. Электронные СМИ: эфир полон звуков

В сравнении с недавним прошлым нынешнее телевидение России насыщено форматами, имеющими отношение к истории: более или менее «художественными» и «документальными» фильмами, авторскими программами, дискуссионными площадками. Есть примеры добросовестной, иногда блестящей журналистской работы. Однако в целом обращение с историческим материалом реализуется в диапазоне между сознательной дезинформацией и откровенно ложными толкованиями до «всестороннего» и якобы не лишенного скепсиса обсуждения всякого рода сенсационных и совершенно фантастических «гипотез». Последнее особенно опасно, поскольку аксессуар сомнения и обсуждения в таких передачах лишь прикрывают реальное действие: а) внедрение в не самое изощренное сознание разного рода мифов; б) воспитание податливости грубым имитациям похожим на науку процедурам, когда подача и обсуждение гипотезы внедряют ее в сознание практически как факт; в) формирование готовности верить в самые экзотические пропагандистские версии происходящего и прошлого, а в итоге и будущего.

Нормальное будущее страны требует иного по качеству человеческого материала, а значит, и иной работы с историей в самом мощном из информационных ресурсов – в электронных СМИ, прежде всего на телевидении. Для этого необходимо:

во-первых, максимально избавить такого рода вещание от прямого и скрытого «госзаказа» на трансляцию новой исторической мифологии – в фактографии и интерпретациях;

во-вторых, под лозунгом «Больше науки!» положить начало резкому смещению в историческом вещании от мало чем сдерживаемой самодеятельности к трансляции профессионально удостоверенного исторического знания и понимания;

в-третьих, создать внешние по отношению к СМИ институции, которые могли бы проводить профессиональную экспертизу такого рода вещания и влиять на государственную и корпоративную политику в этой сфере (учитывая ситуацию, такие институция должны быть организационно удаленными от власти и конкурентными, защищенными от монополизации самой этой миссии).

Проблема затрагивает также и Интернет, который в этом плане, с одной стороны, создает площадку противодействия официальной пропаганде и мифологии, а с другой – является пространством некритического распространения и некритического усвоения информации самого разного сорта, в том числе связанной с исторической памятью и знанием о прошлом.

9. История в твердом материале – монументальный десант в будущее

ВОЙНЫ ЗА ПРОШЛОЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

История всегда находилась и, видимо, на нашем веку еще будет находиться под перекрестным воздействием политики и идеологии – в «артиллерийской вилке» обстрела властями, партиями, оппозиционными группировками и идейно-политическими течениями разной направленности,

отдельными более или менее влиятельными идейно озабоченными активистами. **Сейчас в России давление государства на историю нарастает и, более того, грозит стать беспрецедентным. При этом власть стремится воздействовать не только на историческую память общества, но и на собственно историческое знание, на историческую науку.** Политико-идеологический контроль не является тотальным, но в современных и особенно в постсовременных политических конструкциях тотальный контроль и не обязателен. Достаточно маргинализации: а) источников альтернативных данных и мнений; б) социальных групп и массовидных образований, не разделяющих господствующей, официальной, канонической версии истории (и идеологии в целом).

Принято считать, что на будущее влияет как само прошлое, так и та версия истории, которую то или иное общество исповедует. С не меньшим основанием можно утверждать, что будущее страны во многом зависит от культуры отношения к истории в существующей политической конструкции. **В современном мире у общества с архаическим отношением к прошлому будущего быть не может.**

1. Проблема языка: эмансипация политики от исторического иносказания

В разделе «Диагноз» уже отмечалось, что сейчас в России в силу ригидности языка политики вплоть до его практически полного отсутствия в некоторых идеологически важных семантических зонах именно история становится главной, если не единственной формой политического сообщения и иносказания. Говоря о прошлом, люди высказываются в действительности о настоящем и будущем; нарратив выступает как императив. И наоборот: ответственное отношение к настоящему и будущему требует как минимум максимальной честности и прозрачности политических и околополитических высказываний. В связи с этим в сложившемся положении представляется насущным решение следующих основных задач:

а) Реконструкция актуальных политических смыслов, скрывающихся за теми или иными наиболее значимыми историческими нарративами и идеями, выступающими в роли идеологических метафор. Обществу важно отчетливо понимать, что именно пропагандируют и к чему реально призывают субъекты, высказывающиеся по наиболее резонансным и спорным историческим сюжетам: опричнина как конструктивная политическая сила; крепостное право как культурная, социальная и духовная «скрепа»; к чему ведет реабилитация тиранов и преступлений, что стоит за переоценкой ключевых периодов российской истории, что актуально означают синхронистические сопоставления эпизодов российской истории с историей других государств и обществ;

б) Соотнесение реконструируемых смыслов с конституционным законодательством, официально признаваемой политической системой и публично декларируемой системой ценностей. Независимо от отношения к существующим в России конституционным основаниям и ни в коей мере не имея в виду цензуры и преследований за высказывания и взгляды, необходимо в полной мере отдавать себе отчет в том, какие изменения и какие политические модели имеют в виду те или иные исторические оценки. В свободном,

цивилизованном обществе любовь к тирании и уважение к холопству не обязаны быть стыдливymi – здесь такого рода политические экстраполяции можно договаривать открыто и до конца;

в) Выявление основных историографических интенций и ценностных установок, логически и морально вытекающих из официально признаваемой в России общественно-политической и социально-экономической модели. Можно рассуждать о том, какие этой модели должны были бы соответствовать интерпретации и оценки процессов, периодов и событий, каким должен был бы быть пантеон и пр. Однако гораздо важнее сформировать отчетливое представление о том, какие из данной модели вытекают принципы производства исторического знания и памяти о прошлом, как здесь должны решаться проблемы соотношения официальной и неофициальной истории, монополии и диверсификации, идеологического и методологического плюрализма и т.д.

Решение этих задач способствовало бы не только прояснению ситуации на «исторических фронтах», но и реконструкции собственно политического языка. И даже если у отдельных политических интенций есть основания даже сейчас прятаться за исторические метафоры, у общества нет оснований поддерживать эти игры и не видеть за стыдливymi иносказаниями сублимации прямой политической речи.

2. «Свободная история» в условиях запрета на огосударствление идеологии

Тот факт, что официально признанная в государстве политическая модель предполагает более или менее определенные интерпретации и оценки в отечественной, зарубежной и мировой истории, не означает, что эти интерпретации и оценки должны являться содержанием идеологии, признаваемой в обществе «государственной или обязательной». Конституционный запрет на огосударствление идеологии не исключает других интерпретаций и оценок, а также полемики по поводу того, какие именно исторические представления более соответствуют официально признанному политическому режиму.

Нет нужды напоминать, а тем более доказывать, что для монархистов, коммунистов и либеральных демократов (в собственном смысле этого слова) существуют совсем «разные истории» одних и тех же эпизодов, периодов, процессов и прошлого в целом. Разное видение истории существует у прогрессистов и консерваторов, у либералов и этатистов, у глобалистов и изоляционистов, у сторонников западной, европейской ориентации или адептов более или менее пристойных версий евразийства. Однако идеологическая и политическая суть формально учрежденной в России либеральной демократии как раз и заключается в признании права общества на это разнообразие и концептуальное равноправие. Общество, сохраняющее многообразие и свободную конкуренцию «разных историй» – живо и имеет будущее. Абсолютная, однозначная и окончательная идентичность в этой жизни достижима, но на кладбище.

3. «Исторический канон» и претензии на госидеологию

В полном и вопиющем противоречии с вышесказанным **в структурах власти и в среде ее наемных или самодеятельных апологетов нарастает прямо противоположная тенденция – монополизировать трактовки и оценки истории, а через историю – и саму идеологию.** Говорить об «искажениях», «фальсификациях» и «переписывании» истории можно только с позиции истинного и абсолютного знания, то есть монопольного владения историей неискаженной, свободной от фальсификации и изначально верной – еще «не переписанной».

Несмотря на то, что в реальной жизни истории (как понимающей памяти о прошлом) ее «искажения», «фальсификации» и «переписывание» возможны и существуют, важно различать, где имеют место отклонения от научно и документально удостоверенного исторического факта, а где высказывается и реализуется претензия на идеологический контроль. При этом опыт показывает, что защитники неискаженной и не переписанной истории по историческому факту сами большей частью являются сторонниками сохранения мифов, активистами переписывания истории в соответствии с определенным образом ими понимаемой политической конъюнктурой.

При всем уважении к легенде и ее духоподъемной роли на определенном этапе, история о 28 панфиловцах, строго говоря, – классическая фальсификация (с этической и логико-методологической точки зрения ее правильнее было бы называть частичной фабрикацией). Именно в этом качестве заметка корреспондента «Красной звезды» была зафиксирована и еще в 1947 году раскрыта военной прокуратурой по документам и свидетельствам реальных событий. Таким образом, защита от фальсификаций сводится здесь к защите старой и уже раскрытой фабрики, а обвинения в переписывании предъявляются тем, кто раскрывает прежнее, первичное переписывание.

Все эти перипетии могут и должны быть предметом сколь угодно свободной и острой полемики, однако в обществе, живущем по тем законам, которые пока действуют в Российской Федерации, в таких дискуссиях не имеют права непосредственно участвовать функционеры – представители, а тем более руководители органов государственной власти. Формула «разрешено все, что не запрещено законом», не универсальна и имеет ограниченные действия. Она не распространяется на чиновников, в отношении которых действует иной принцип: **чиновнику разрешено только то, что законом ему непосредственно предписано по функционалу; все остальное – превышение служебных полномочий.**

Претензии на формулирование государственной идеологии, будь то в форме конкретных позиций или «госзаказа», как раз и являются вопиющими примерами такого превышения.

4. Отмена запрета на госидеологию: обстоятельства, принципы и перспективы

В нынешних условиях гипотетическая отмена конституционного запрета на госидеологию в первую очередь сказалась бы на всей системе исторического знания и памяти о прошлом. Отмена такого запрета – прямой путь к установлению официального «исторического канона». Однако идеи разрешить

Конституцией государственную идеологию сталкиваются с целым рядом крайне сложных, строго говоря, теоретически и морально неразрешимых проблем:

а) Суждения о том, что «не бывает государства без идеологии», не вполне по делу и совсем не по адресу. **Государственная идеология в России есть, и важнейшая ее позиция – запрет на огосударствление идеологии, то есть на введение какой-либо одной из частных идеологий в качестве «официальной» и «обязательной».** Это классический акт метаидеологии – идеологического высказывания о принципах сосуществования в сфере идеологического (подобно классическому сюжету с «полным отсутствием убеждений» в «Рудине»: «Стало быть, по-вашему, убеждений нет? — Нет — и не существует. — Это ваше убеждение? -Да. - Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай»).

б) В России нет «обязательной» идеологии, которая вводилась бы как таковая всей мощью государства, но этого и не должно быть. Здесь достаточно осмыслить, что в действительности может означать применительно к идеологии слово «обязательная». В программе-минимум оно может означать, что такая идеология является обязательной для исповедования и трансляции во всех органах государственной власти и во всех инстанциях, имеющих отношение к государству. Но поскольку сколько-нибудь строго и полно формализовать такой контент не представляется возможным, данное нововведение будет означать лишь возможность идеологического произвола со стороны чиновника в определении того, что государственной идеологии соответствует, а что нет. В программе-максимум введение такой идеологии означало бы ее обязательный статус для всех граждан Российской Федерации, что еще более фантастично. Поскольку сделать всех адептами какой-либо одной идеологии невозможно, все сведется к произволу в санкциях за отклонение от некой условно понимаемой идейной чистоты и мы получим еще один инструмент точечных репрессий, подобных наказанию штрафами – «штрафную идеологию».

в) Проекты отмены конституционного запрета на огосударствление идеологии должны сопровождаться развернутыми представлениями о том, каким образом такая идеология будет продуцироваться, транслироваться и видоизменяться, какие для этого потребуются новые, дополнительные институты и органы власти. Иначе идеологии как государственные (в собственном и строгом смысле этого слова) не работают. В наших условиях такой институционально-организационный проект либо обречен, либо выльется во что-нибудь заведомо непотребное.

г) Предложения ввести в Россию государственную идеологию, а еще лучше – сразу национальную идею, практически все без исключения содержательно пусты и конкретных версий не предлагают даже в первом приближении. Однако достаточно странно выглядит человек, а тем более целая фракция, заявляющие: мы хотим государственной идеологии, но какой именно, не только не знаем, но даже помыслить не можем. Тем не менее, такая стыдливость в формулировании огосударствляемых идей обычна. Подобные попытки хронически производят на свет не более чем изделия идеологической самодеятельности, более или менее убогие и самостоятельной ценности не имеющие. Это идеологии, которые без эпитета «государственная» никому не

интересны и не нужны. Получается либо набор благочестивых банальностей, который легко может быть заменен множеством себе подобных в давно известном ассортименте – либо нечто настолько вкусовое, личностное и «авторское», что все претензии на общегосударственный статус сами собой отпадают. Если же в стране и в самом деле вдруг появляются сильные и благотворные идеи, реально «овладевающие массами», им и вовсе не нужен статус госидеологии – они и без того сильнее и выше всего официального. Если же такие идеи слабы и сами по себе на общенациональный статус не тянут, подставлять под них государственные подпорки бесполезно и вредно: это ублажает причастных, но дискредитирует государство, да и сами идеи.

д) Кроме того подобные попытки неотвратимо порождают конфликты со всеми конкурирующими идеологиями и их носителями. Всплывает банальное: почему не мы, не наше? Это равносильно тому, чтобы ввести государственную религию в многоконфессиональной стране (идеологию иногда и определяют как «секулярную религию», как «веру в упаковке знания»). Если же претендовать на предельно высокий, надконфессиональный уровень интегративности, неизбежно получается нечто выхолощенное и абстрактное, например, «патриотизм». При этом централизованное огосударствление идеологии в наших условиях будет означать такое же централизованное огосударствление истории. Это и вовсе гибельный путь в ситуации, когда реально уже существует модель «различных историй», в которой истории этно-национальные, региональные, местные, локальные и приватные сплошь и рядом являются единственно востребованными, живыми и влиятельными при игнорировании и даже отторжении централизованного исторического официоза.

е) В действительности призывы к введению госидеологии большей частью вовсе не имеют в виду какого-либо содержательного наполнения: это пустышки, функциональный смысл которых много проще – верноподданнейше преподнести власти право на введение государственной идеологии в любой удобной для нее форме и интерпретации. Соответственно, предвыборный адресат таких заявлений вовсе не общество: массы этим не соблазнишь и рейтинг не поднимешь. Зато появляется еще одна роспись в лояльности в форме письменного заявления наверх с просьбой о поддержке, символической и не только мы вам дарим инициативу госидеологии, но в обмен на административный ресурс. Поэтому в таких предложениях обходится даже проблема формата: «государственная идеология» – это что? Где и как она (с историческим каноном в качестве своего ядра) будет прописана, в каких жанрах изложена, где будет храниться и каким образом транслироваться? Как будут устроены ее взаимоотношения со школой, начальной, средней и высшей, с армией и флотом, с наукой и церковью, с пионерией и пенсионерами, с системой госслужбы, с гражданскими инициативами и политическими партиями, с экономикой и домохозяйствами, с адептами и оппозицией?

Предложения менять конституцию под введение госидеологии, обязаны хотя бы в самом общем виде иметь ответы на эти вопросы.

Описывая коллективную память о массовом терроре, систематически осуществлявшемся большевиками в сталинские годы и ранее, с момента прихода к власти в 1917-м и до начала 1950-х годов, различные авторы часто используют понятие исторической травмы. Однако можно согласиться с Александром Эткинсом, что говорить о травматической памяти применительно к сегодняшним поколениям не вполне корректно. Испытываемое постсоветскими поколениями скорее в другом – это страдание, горе, но не травма.

1. Память о советском терроре. Травма и горе

Для того, чтобы получить травму, ее нужно пережить непосредственно, быть собственно жертвой. Большинство тех, кто живет сегодня в России, не переживали террора как такового. Жертвы давно в могилах, во многих случаях безымянных. Долгое время тема, связанная с жесткостью и массовыми смертями в сталинские и более ранние годы, оставалась в зоне умолчания. Не только в силу известных запретов и ограничений. За редким исключением сами жертвы ушли немymi, сгинув в лагерном небытии, как поэт Осип Мандельштам. Вернувшиеся не находили слов, чтобы рассказать. Те, кто все же отважился, были обречены на непонимание, не имея возможности описать случившееся в терминах нормальной жизни.

«Такого не может быть!» – восклицает сторонний наблюдатель, глядя в глаза страшным фактам. Он может испытывать искреннюю боль от утраты близких, от несправедливости, он может сострадать к чужим мучениям, но знать и осознавать, как это было, не в состоянии, по крайней мере полностью. По одной очевидной и безжалостной причине: сам он «там» не был.

Тем, кому посчастливилось остаться в живых и в еще большей степени их потомки, не имеют исчерпывающего знания о совершенных преступлениях, тем более не в состоянии это знание рационализировать. Надежда Мандельштам описывала свой мучительный сон, в котором она не может получить ответа от мужа на один единственный волнующий ее вопрос, что они «там» с ним делают. Незнания и непонимания в связи с террором в России по-прежнему больше всего. В этом источник не пережитой травмы, но боли и горя.

Горе за чужие страдания усиливается чувством бессмысленности случившегося. Большевицкий террор не происходил сам по себе из одного желания убивать. Он был средством чудовищной социальной селекции, предпринятой ради коммунистического эксперимента. Миллионные жертвы черного рабства и колониальной эпохи можно объяснить банальной жадностью. Холокост и другие случаи геноцида обусловлены радикальным национализмом, предрассудками и ненавистью в отношении других этнических и религиозных групп. Целью убийц в СССР было общество свободы, равенства и справедливости – важнейшие ценности гуманизма и просвещения. Их преступления во много раз продолжительнее и масштабнее довольно быстро остановленного яковинского террора. Результатом «строительства коммунизма» стали горы трупов в расстрельных ямах, слегка присыпанные песком, миллионы людей, умершие от голода, эпидемий, войны и тюрьмы.

Коммунистическая идея оказалась ложным мифом. Альтернативный мировому капитализму путь к мировой гармонии обернулся железнодорожной колеей к воротам ГУЛАГа. «Ради чего?» – восклицает потомок, живущий на

развалинах бессмысленного и людоедского «красного проекта», изнасиловавшего и лишившего привычных способов социальной жизни его страну, оставившего после себя руины промышленных гигантов и бескрайние поля могил «строителей светлого будущего». **Отсутствие, невозможность рационального ответа усиливает чувство безысходности и боли. Таково «кривое горе».**

2. Жертвы и палачи

Советский террор не ограничивается политикой Сталина, хотя и неотделим от его имени, он продолжался не одно десятилетие и не имел какой-то одной четко обозначенной адресной группы. Беспрецедентная продолжительность, разнонаправленность и ситуативность волн репрессий, где аресты и расстрелы были рабочим инструментом решения управленческих задач, создало весьма неоднозначную и неясную ситуацию с описанием террора и его жертв.

Кто жертвы, а кто палачи? В случае с советской историей вопрос не столь прост, как может показаться. Будущий академик Дружинин, арестованный по «делу историков» в Ленинграде в начале 1930-х, давал ложные признательные показания на своих коллег, способствуя тем самым новым арестам и тюремным срокам для невинных людей. В обмен на эту «сделку» допрашивавшая Дружинина следователь-женщина отпустила его на свободу, но сама была арестована в годы последовавшего вскоре большого террора и погибла в лагере.

Палачи и жертвы менялись местами – таков советский опыт XX века. Это была «охота без правил», устроенная тоталитарной властью, где каждая новая жертва не знала ответа на вопрос: «Почему именно меня?» Основания для того, чтобы быть подвергнутым террору, не имели никакой ясной рациональной рамки. Евреи, оказавшиеся в нацистских лагерях смерти, не были согласны умирать, но по крайней мере в одном они не расходились с лагерной администрацией, они действительно евреи, и именно поэтому стали жертвами нацистского террора. Их собственная идентичность не входила в противоречие с творящимся против них преступлением. В случае с советским террором все было далеко не всегда столь же очевидно.

Советский зэк мог оказаться в лагере по доносу, что он троцкист, но при этом быть вовсе не троцкистом, а верным сталинцем, готовым убивать настоящих «врагов народа». Сына дворянина могли отправить на смерть по доносу поповича, его завистливого соседа по студенческому общежитию. Арестованный как «кулак» сам мог быть уверен, что его оговорили настоящие «кулаки», засевшие в правлении колхоза. Чекисты 1920-х в большом числе оказались в итоге в подвалах Лубянки, как и те, кто их пытал в 1930-х. Собственно, ни один из руководителей ГПУ-НКВД-МГБ, возглавлявших это карательное ведомство после Дзержинского, до Берии включительно, не закончил жизнь естественной смертью. Суд над КПСС начала 1990-х отказался признавать коммунистов палачами, т.к. выяснилось, что среди жертв репрессий члены ВКП (б) составляли большинство. Но многие палачи благополучно выжили и умерли в номенклатурном достатке, кто-то доживает свой век и сейчас.

«Слишком много памяти», как пишет об этом Александр Эткинд. И слишком мало понимания. Политика советского террора в значительной мере

носила характер самоуничтожения. И потому, что палачи становились жертвами. И потому, что жертвы были совершенно бессмысленными, ненужными, вредными.

3. Апология выживших

Парадоксы и неопределенность с маркировкой палачей и жертв, а также невозможность объяснить рациональный смысл совершенных преступлений порождает не меньшие парадоксы в сегодняшней коллективной памяти россиян. Самая простая из метаморфоз, когда сами потомки жертв сталинских репрессий становятся апологетами эпохи Сталина – такие случаи, увы, не единичны. В то же время среди прямых потомков палачей есть воистину смелые и сильные люди, кто осознает преступность деяний дедов и даже приносит публичные извинения за них. Никто при этом уже не может отрицать сам факт преступления. Нельзя сказать, что перед нами лишь очередная попытка отрицать очевидное – факт преступления признан, об оправдании преступников не может быть речи. Другое дело поиск неуместных смыслов.

«Жертвы были необходимы», – фактически говорят нам искатели подобных смыслов. Потому ли, что это было искупление прежних грехов, как считают, некоторые, и поэтому якобы 1937-й год уничтожил старую большевистскую гвардию. Потому ли, что «иначе было нельзя», что в условиях конкретной исторической эпохи репрессии были единственно возможным средством управления, что благодаря этому удалось произвести ускоренную технологическую модернизацию и выиграть войну. Все подобные рассуждения сами по себе выглядели бы преступлением против морали и разума в случае с историей Холокоста, с рамками памяти о других примерах этноцида и демоцида в европейской истории XX века.

В случае с советским террором сам поиск смысла выглядит если не подлостью, то безумием. **Репрессии были не «зачем», они не имели никакой цели, кроме страшного эксперимента над человеческой природой, эксперимента, обреченного изначально, а потому обернувшегося катастрофой. Все, что происходило параллельно, включая строительство заводов и победу в войне, происходило не «потому что», а несмотря на – не благодаря, но вопреки.** В рамках той сохранившейся человеческой природы, которую советский эксперимент не смог затронуть.

Личная трагедия тех, кто ищет смыслы в советском терроре, заключается в том, что они пытаются объяснить то, что не может быть объяснено в отрыве от всей той системы, которую представляла теория и практика большевизма. Внутри этой забытой ныне системы все было логично и оправдано – за ее пределами нет никакого смысла, кроме голого насилия и бессмысленного террора. Это требует лишь однозначного осуждения как самое изуверское преступление против человечности, произошедшее в силу страшного соблазна и страшной аберрации, связанной с попыткой не просто построить новое общество, но ради этого создать новую, неведомую и невозможную человеческую природу.

Советская власть на позднем этапе своего существования предложила концепцию советского человека как «особой исторической общности» людей, строивших коммунизм. Нынешняя постсоветская власть всерьез размышляет об издании закона о российской нации, объединяющей, стало быть, тех, кто коммунизма так и не построил.

Меж тем, если взглянуть на данный вопрос в исторической ретроспективе, то советский народ 1960-1970-х годов действительно мог составлять особую общность довольно счастливых людей – тех, кому повезло выжить в условиях практически непрерывных волн репрессий против отдельных социальных групп и тотально без разбору, искусственно организуемого голода в деревне, массовых депортаций народов, нескольких кровопролитных войн, как с внешним миром, так и внутри страны. Этот «переходный период», начавшийся сразу после захвата власти в октябре 1917 года продолжался более 35 лет (1917-1953), что составляет едва ли не половину всей 74-летней истории советского режима в России (1917-1991).

Те, кто сумел выжить, забыв старую, упоминаемую Булгаковым «норму», приспособившись к нормам новым, зачастую плохо согласуемым с самой природой человека, и составили ту самую «новую общность», которую всячески пропагандировали позднесоветские идеологи. **Потомки выживших со сдвигом в одно поколение составляют большинство тех, кого можно назвать постсоветскими людьми. Это – телезрители, читатели и избиратели, которые определяют лицо современной России, выбирая то, что они выбирают.** Другой электорат, другая Россия – в расстрельных и лагерных могилах, вместе с не родившимися потомками.

4. Молчание руин

Сегодняшняя Россия не имеет не только общих рамок памяти в отношении советского террора, аналогичных тем, которые выработаны в большинстве бывших коммунистических стран, но и весьма бедна местами памяти, особенно учитывая масштабы случившейся исторической катастрофы. **Большинство существующих монументов жертвам созданы в качестве общественной инициативы. Государственная политика памяти в отношении террора фактически свернута с момента окончания президентского срока Дмитрия Медведева.**

Отсутствие памятника жертвам политический репрессий – вот тот факт, который трудно не заметить и который бросается в глаза любому стороннему наблюдателю. Соловецкий камень на Лубянке, как и аналогичные поклонные камни и кресты в других местах России выполняют роль молчаливого и незаметного свидетельства того, что трудно отрицать, но о чем по-прежнему принято скорее молчать, чем говорить во всеуслышание.

Почему российское общество, преодолев, пусть не до конца, собственное тоталитарное прошлое, предпочитает молчать о терроре, имевшем место более половины столетия назад? Почему в отличие от Германии, воспоминания о совершенных преступлениях и их жертвах не стало общим гражданским ритуалом для современной России? Можно попытаться объяснить это «разницей в возрасте» немецкого тоталитаризма и советского.

Имея общую тоталитарную природу, гитлеровская Германия и сталинский СССР отличаются друг от друга, «как подросток от старика». Советский Союз не потерпел поражения в войне, как Германия, его руководство и карательные службы не были осуждены за совершенные преступления, победившая сторона не установила порядка, при котором факт этих преступлений признан официально, а отрицание чревато правовыми последствиями. Нет, СССР состарился, выжил из ума и умер собственной смертью. С момента его кончины

прошло не так много времени, смена постсоветского поколения на новое начинается только сейчас. В этом плане нынешняя Россия больше похожа на Западную Германию 1960-х годов: первые памятники уже установлены, преступления отрицать невозможно, но воспоминания о совершенном не приветствуются, общество избегает их как неприятного разговора, а реваншисты все меньше стесняются заявлять о себе и своей позиции.

Российская ситуация, однако, усугубляется еще одним важным препятствием. Удивительным образом сталинская эпоха, будучи учредительным моментом для СССР и всей советской системы, продолжает играть фактически ту же самую роль и для России сегодня. Многое из того, что нас окружает от мавзолея и рубиновых кремлевских звезд до построенной трудом заключенных высотки Московского университета и кормящей страну нефтегазовой отрасли, даже 500-рублева купюра с изображением Соловецкого лагеря особого назначения – все уходит корнями туда, с чего по-прежнему начинается Родина: Сталин, Берия, ГУЛАГ.

Глядя на текущее состояние российской правоохранительной и пенитенциарной системы, на судьбы Сергея Магницкого и Ильдара Дадина, современный, вполне «упакованный» россиянин должен бы помнить, что от судьбы жертв сталинской «зоны» его отделяет разве что шестой айфон в кармане. Как явление, как институт, как несущая конструкция системы, Сталин совсем не умер, и его никто не тащит из могилы. Просто он по-прежнему с нами.

Обратная сторона сложившейся реальности состоит в том, что места памяти террора находятся практически повсеместно. Фундамент той устаревшей и ветхой цивилизационной среды, в которой существует постсоветский человек, особенно в крупных промышленных городах, где проживает большая часть населения России, был возведен в сталинские пятилетки и сразу после, часто в прямом смысле на костях жертв системы.

В этом плане **почти вся сегодняшняя Россия может быть представлена как одно единое, бескрайнее, неотрефлексированное место памяти и горя.** Где те, кому повезло избежать участи жертв, не могут не помнить, но и не знают, как говорить. Молчание служит универсальным ответом текущих поколений, смиряющим горе, но не утоляющим боль.

...И ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Прошлое имеет свойство поворачиваться к человеку разными своими гранями – в зависимости от того, какие задачи ставит перед ним будущее. Текущие проблемы, а тем более вызовы времени обычно меняют и акценты в прочтении истории (отчасти это имеет место и в исторической науке).

В этой динамике заложены конфликты интересов. Нередко «злоба дня» забирает все внимание, и тогда в истории ищут то, что снимает напряжение сегодня, но отвлекает от решения проблем более общих и глубоких. Болезнь загоняют внутрь в историческом анализе, а одновременно и в реальной политике. В этом конфликте есть и социальный план: группы, контролирующие историю и память, преследуя свои собственные интересы и решая групповые проблемы, акцентируют в прошлом совсем не то, что было бы необходимо видеть в нем обществу в интересах его выживания или развития в целом. Это

еще один довод против монополизации истории, идеологии как таковой. Сейчас в России эти проблемы обострены и в официальной версии заблокированы даже для постановки, хотя без их разрешения невозможен сколько-нибудь осмысленный разговор о будущем.

1. Мания стабильности и теории заговора

В текущих и тактических задачах власти все большее место занимает проблема самосохранения – любой ценой и с абсолютной гарантией. Перелом наступил несколько лет назад, когда в стране начали обостряться внутренние коллизии, а во внешнем мире произошла серия обвалов ряда «несокрушимых» режимов. Трагические события по соседству происходили на фоне падения рейтинга российской власти и подъема протестной волны, связанной с общим недовольством и манипуляциями на выборах.

Страх перед нарастающим кризисом и образами падения режима породил интенсивное переосмысление истории идеологическим официозом.

В том, в чем еще совсем недавно виделись славные страницы нашего общего прошлого, стали видеть исторические прототипы «цветных революций». В понимании причин политических кризисов стала преобладать конспирология, особую популярность приобрели концепции злонамеренного вмешательства извне. В трудные времена созидания советской России ряд острых идеологических задач решала теория «обострения классовой борьбы», якобы нарастающей с успехами социалистического строительства. Теперь эту же схему, хотя и в несколько иной модификации, повторяют в новейшей российской идеологии. Здесь пропагандируется принцип «чем лучше, тем хуже»: согласно этой теории феноменальные достижения вставшей с колен России вызывают паническую озлобленность и ожесточенное сопротивление ее мировых конкурентов. В этом видятся главные причины нарастающего кризиса во всех его проявлениях, включая падение качества жизни российских граждан. У этой логики есть и свой финал: **если договаривать до конца, свидетельством полного и окончательного триумфа России будет обрушение ее экономики, техносферы и социальной системы на фоне максимального обострения конфликтности во внешней и внутренней политике.**

2. Проблемы исторической ответственности и внутренняя политика

В интересах этой идеологии кризисы и катаклизмы в отечественной истории представляются преимущественно рукотворными. За революции ответственны революционеры, но никак не власти, доводящие страну до революционных ситуаций. В предчувствии серьезных осложнений заранее назначают виновных – и их же превентивно маргинализуют. Политическая граница переносится вовнутрь страны, выделяя в ней своего рода протестную резервацию. За эту границу выдворяется вся сколько-нибудь радикальная оппозиция: «пятая колонна», «иностранный агент» и т.п. по определению и есть внешний враг. Подтверждением правильности такой политики власти становится весь исторический опыт страны, а во многом и других государств.

Такие представления вкупе с искусственно сконструированными теориями и нарративами мешают, во-первых, пониманию реальных исторических бед России, а во-вторых, выработке стратегий, которые могли бы снизить остроту кризиса не паллиативными, но более адекватными мерами. Это

классический случай, когда, вместо того чтобы пытаться извлечь уроки из прошлого, пытаются учить саму историю – со всеми тяжкими последствиями, вытекающими из такой «педагогики».

3. Школа кризисов и катастроф

Россия явно входит в полосу экономической турбулентности и политической волатильности. При всем идеологическом оптимизме власти это видно даже по официальным оценкам положения и перспективы, а тем более по ее системным подготовительным действиям, не говоря о судорожных реакциях. В этой ситуации **правильнее не превращать историю в бесконечный нарратив о безгрешности и славе власти, но озадачиться уроками истории**, из которых можно было бы усвоить:

- а) причины наиболее значимых российских (и не только российских) кризисов и политических катаклизмов;
- б) основные не закономерности их подготовки и протекания;
- в) типовые ошибки власти и реальные, исторически апробированные возможности купирования или по крайней мере смягчения такого рода кризисов в интересах развития.

В этой связи, особенно учитывая символику предстоящего столетия революций 1917 года, представляется возможным местным комплексно проработать в рамках исторической науки и политической теории всевозможные аспекты, связанные с кризисной исторической динамикой – с такими явлениями, как модернизации, кризисы и катастрофы, революции и контрреволюции, глубокие эволюционные изменения, реформы, псевдореформы и контрреформы, срывы в реакцию и их близкие и отдаленные исторические последствия. В рамках такой работы **Вольное историческое общество завершает подготовку проекта «Реформа, революция, реакция. Развилки и тупики российской истории»**, который планируется реализовать в следующем году совместно с Комитетом гражданских инициатив, а также рядом других заинтересованных исследовательских и общественных организаций.

4. Модернизация в эпоху постмодерна: долг прошлого, вызов будущего, императив настоящего

Лозунг модернизации появился в новейшей истории России примерно в середине 2000-х годов. Именно тогда началась разработка разного рода стратегий, призванных дать стране осмысленные представления о задачах и перспективе. Это происходило накануне первой рокировки – местоблюстительства Дмитрия Медведева. Временному преемнику необходимо было оставить не просто внятный исторический наказ, но план, который должен был реализовываться под авторским надзором лидера нации. Поэтому накануне предвыборной кампании Медведева лучшими экспертами и аналитиками страны в разных вариантах и на разных площадках разрабатывался... план Путина.

Модернизация оказалась свернутой, так толком и не начавшись, в том числе в плане ее концептуальной, исторической проработки. Идеология резко развернулась как «по вертикали» метафизики – от материального к идеальному, от земного к духовному, так и «по горизонтали» времени – от будущего к

прошлому. Обстоятельства и последствия такого разворота в подробностях описаны в предыдущих разделах Доклада.

Однако **какими бы тактическими, а тем более ситуативными мерами ни удавалось оттянуть решение проблем, связанных с необходимостью модернизации в России, эти проблемы не исчезают, но лишь загоняются внутрь и тем самым усугубляются.**

В 2008 году, выступая на расширенном заседании Госсовета, Владимир Путин заявил:

«Однако и сейчас - на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры - мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики. А в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров.

Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормальное развитие. Подвергнем угрозе само ее существование. Говорю это без всякого преувеличения».

Проблемы эти не решены и угрозы не сняты. Более того, попытки решения этих проблем приостановлены. Тем более актуальным становится исторический анализ перипетий российской модернизации, ее успехов и провалов. При всех пробуксовках этой истории и при всей ее видимой цикличности нельзя не видеть и суммарного исторического результата, сделавшего Россию страной современного мира – при всех ее хронических болезнях, рецидивах и срывах в архаику. Для понимания этого процесса **крайне важно отслеживать и понимать, как Россия на каждом из этапов, перед каждым тупиком и каждой развилкой все же находила возможность движения к будущему.** При всем критическом отношении к историческому прогрессизму Модерна, этот опыт сохраняет свою актуальность и нуждается в новом осмыслении.

На фоне «большой истории» не менее важным является осмысление близкой исторической перспективы, прежде всего скромного позитива и глубинных причин провалов большинства реформ и прочих модернизационных начинаний последнего времени. Большой циклизм российской истории сейчас воспроизводится в малых циклах и даже на микроуровне, когда одни и те же реформы либо начинаются, либо планируются с повторением всех тех ошибок, которые привели к их краху буквально несколько лет назад. Это **«хождение по граблям и по кругу» тратит драгоценное время в условиях его крайнего исторического дефицита, деморализует общество, разрушает остатки доверия между ним и властью даже в самых благих намерениях государства. Критическое осмысление этой близкой истории сейчас крайне необходимо и является начальным условием разработки любых стратегий.**

5. Полнота и свобода истории – свобода и полнота будущего

Все эти конъюнктурные (в хорошем смысле слова) акценты не должны отменять главного принципа – осмысления истории во всей ее полноте и во всей непредвзятости такого отношения. Это отнюдь не означает «принятия» всей полноты отечественной истории, о котором так часто говорится в последнее время отдельными представителями власти и самостоятельными претендентами на госидеологию. Политически и психологически этот заказ понятен:

сакрализация и некритичное принятие приукрашенной истории становится прообразом столь же некритичного, сакрализованного отношения к любым действиям власти в настоящем. Эта «полнота принятия» неизбежно оборачивается вопиющими флюсами и изъятиями, когда Победы вытесняют поражения, а реальные или мифические заслуги отдельных исторических персонажей если не вытесняют, то во всяком случае сильно микшируют ошибки и даже преступления. В этом видны достаточно очевидные и столь же неуклюжие попытки создать для власти вечное и универсальное алиби – как в прошлом, так и в настоящем и в будущем. Если можно убивать и насиловать, если можно заливать непокорные города реками крови, если можно репрессировать безвинных сограждан миллионами и при этом удостаиваться монументов в славном пантеоне Родины, значит нынешние почти травоядные прегрешения власти и вовсе ничего весят на весах величественной истории Отечества.

Апелляции к тому, что в других странах в те времена имели место не меньшие зверства, выглядят беспомощными. В других странах с цивилизованным отношением к собственной истории эти зверства не замалчиваются и никому не списываются. И в собственной стране правителей-извергов надо сравнивать не с их иностранными аналогами, а с другими деятелями отечественной истории, до таких зверств не опускавшимися. Только тогда мы сможем стать подлинными наследниками традиции, даже в эпоху самодержавия отводившей сомнительным фигурам соответствующее место. **Когда же аппаратные деятели берутся поправить вековые ошибки царизма и советской власти в формировании исторического пантеона, это и есть не более чем самонадеянное и не знающее своего места «переписывание истории».**

В современной истории тем более принято осуждение преступлений против человечности и не имеющих срока давности. Поэтому такого рода исторические алиби сейчас тем более не срабатывают.

Ответственное отношение к прошлому – необходимое условие политической ответственности в настоящем и будущем. Свободное, не регулируемое властью отношение к истории – неотъемлемый элемент свободы познания и оценки, мысли и слова.

Поэтому история страны – достояние не власти и государства, а свободных людей, объединенных гражданским обществом, его инициативами и структурами.

Работа с прошлым, с историческим знанием и с культурой памяти – все вместе это одна большая гражданская инициатива. Возможно, одна из важнейших в системе гражданского общества.

Заключение: очередные задачи

Программа изменения исторической политики в стране состоит не только в проектировании «возвращения истории историкам», в профессионализации исторического дискурса, но и в отказе от мифологического сознания и пропаганды, замешанной на истории. Несмотря на то, что реализация такой программы во многом зависит от политических перемен в стране, просто сами по себе попытки изменения подхода к истории могут повлиять на вектор исторической политики.

1. Расширение ареала

Для начала необходимо расширение границ истории в ее профессиональном и массовом изводах. Это не должна быть история почти исключительно войн и государственной бюрократии, история череды побед и «эффективных», но жестоких лидеров. **Расширение ареала контрпамяти** могло бы положительным образом повлиять на самосознание нации, на возвращение критического, а значит, морального взгляда на историю собственной страны

2. История свободы

Нужны гуманизация истории, ее очеловечивание, а значит, -- **необходима история свободы. И эта свобода из отрицательного «персонажа» должна превратиться в положительного.** Иначе неизбежна дальнейшая архаизация массового сознания, чрезвычайно губительная для креативного потенциала нации, для развития страны.

3. Нужна третья волна десталинизации

Надо признать актуальность задачи, которая, казалось, была решена дважды – более полувека назад и четверть века назад, в оттепель и перестройку – десталинизации государства, общества, сознания. Образ жестокого правителя, символизирующего всепроникающее, но защищающее от внутренних и внешних «врагов» государство, -- одна из идеологических основ российской государственности сегодняшнего типа. Понятно, что так просто государство этот образ не «сдаст». Но линия сопротивления авторитарной исторической политике проходит именно здесь.

4. Уроки для власти

Объективное понимание истории нужно и самой государственной власти, даже если рассуждать в терминах ее самосохранения. Уроки истории действительно существуют. И власть должна была бы быть заинтересованной в том, чтобы историю не подлаживали под идеологию ради того, чтобы удобнее было управлять большими массами людей. Характерна в этом смысле инициатива историков Найала Фергюсона и Грэхема Аллисона, предложивших (без особой надежды на реализацию идеи) создать совет историков при президенте США – не для того, чтобы замораживать головы соотечественникам или оправдывать *postfactum* неудачную политику, а чтобы учитывать при принятии ключевых решений уроки истории и мнения историков. И тем самым избегать серьезных ошибок.

5. Отказ от монополии государства

Искусственно культивируемая амнезия, мифологизация исторического сознания, унификация и упрощение взгляда на историю, превращение ее в прямом и переносном смысле в единый учебник – понятные технологии политических манипуляций и апробированные практики государственного управления. Но это свидетельство не силы, а слабости государства, строящего фундамент своей легитимности исключительно из «кирпичей» прошлого.

Государство, чтобы почувствовать в себе силу, «мягкую силу»,
разумеется, должно отказаться от своей мифологической функции.
Отказаться от искусственной монополии на историю. Если угодно, отказаться
и от исторической политики, применить здесь принцип *laissez faire*. Никакого
развала чего бы то ни было не произойдет – даже власти ничего угрожать не
будет. Лишь ментальный ландшафт страны нормализуется. Что важно для
достойного принятия Россией вызовов XXI века. От объективного образа
прошлого и в самом деле зависит способность нации проектировать будущее.